

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 176

**В. ПАСТУХОВ, Д. РАССЕЛ, В. ТИШКОВ,
Д. ХОПМАН, С. ШЕНФИЛД**

ПОСЛЕ БЕСЛАНА:
Дискуссия российских и американских
экспертов

Москва
2005

ISBN 5-201-13758-x (37)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 176.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

**В. ПАСТУХОВ, Д. РАССЕЛ, В. ТИШКОВ,
Д. ХОПМАН, С. ШЕНФИЛД**

ПОСЛЕ БЕСЛАНА: Дискуссия российских и американских экспертов

*Издание осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований
Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»*

Об авторах

Владимир Пастухов
vladimir_pastoukhov@merck.com
Выпускник МГУ. Практикующий член адвокатской коллегии, руководитель некоммерческой консультативной организации по вопросам общественного права и политики в Москве. Автор сборника статей и публикаций в журнале «Полис» (Политические исследования) в 1991–1994 гг.

Джон Рассел
J.Russell@Bradford.ac.uk
Старший преподаватель отделений «Изучение мирных процессов» и «Изучение России» в Бредфордском университете (Великобритания). Автор статей по российско-чеченскому конфликту и проблемам борьбы с терроризмом, проводил семинары по данной проблеме у себя на родине в Министерстве иностранных дел и по делам Содружества, Королевском институте международных отношений, а также в России в Международном институте стратегических исследований. В 2003 г.

выступал в качестве эксперта со стороны защиты на процессе по делу экстрадиции Ахмеда Закаева в Лондоне. В настоящий момент пишет монографию о русско-чеченских войнах.

Валерий Тишков
tishkov@orc.ru
Член-корреспондент РАН, профессор, директор Института этнологии и антропологии Российской Академии наук (Москва). Министр по делам национальностей в правительстве Ельцина (1992 г.), участник переговоров с режимом Дудаева (1994 г.). Автор многих книг по этнополитическим проблемам, включая книгу «Chechnya: Life in a War-Torn Society» (University of California Press, 2004).

Теренс Хопман
philip_hormann@brown.edu
Профессор политических наук, Браунский университет (Провиденс, Род-Айленд, США). Основные исследовательские интересы – международные переговоры и раз-

решение конфликтов. Автор книг «The Negotiation Process and the Resolution of International Conflicts» (University of South Carolina Press, 1996) и «Building Security in Post-Cold War Eurasia: The OSCE and U.S. Foreign Policy» (US Institute of Peace, 1999). В настоящий момент является сотрудником Международного научного центра имени Вудро Вильсона (Вашингтон), где заканчивает работу над книгой о роли ОБСЕ в предупреждении конфликтов после холодной войны.

Стефен Шенфилд
shenfield@neaccess.net
Независимый писатель и переводчик. В прошлом научный сотрудник Уотсоновского института международных исследований Браунского университета. Редактор исследовательского и аналитического приложения (RAS) к изданию «Российский список Джонсона».

The Research and Analytical Supplement to
Johnson's Russia List is produced and edited by
Stephen D. Shenfield.

Stephen D. Shenfield
phone: 401-831-1514
e-mail: shenfield@neaccess.net

David Johnson
home phone: 301-942-9281
work phone: 202-797-5277
email: davidjohnson@erols.com
fax: 1-202-478-1701

Web page for CDI Russia Weekly:
<http://www.cdi.org/russia>
Archive for Johnson's Russia List:
<http://www.cdi.org/russia/johnson>
Archive for the Research and Analytical Supplement:
<http://www.cdi.org/russia/johnson/jrl-ras.cfm>

With support from the Carnegie Corporation of New
York and the MacArthur Foundation

Summary

CHECHNYA AND THE RELATIONS OF RUSSIA AND WEST

Hereby is published the translation of essays of American contributors from English and essays of Russian contributors in the original, written for The Research and Analytical Supplement to Johnson's Russia List – well-known and reputable Internet resource, dedicated to the problems of Russia and other Post-Soviet countries. This special issue contains articles of acknowledged specialists on the Caucasus and conflicts (V. Pastukhov, V. Tishkov, J. Russel, T. Hopmann, S. Shenfield). The essence of the discussion lies in evaluation of Chechnya situation, the problem of terrorism in Russia after Beslan tragedy. Different estimations and points of view on the possible means of fighting terrorism and maintaining stability in the region can be interesting for scholars and decision-makers in the field of resolving conflicts and providing security.
Published upon approval with the authors and the editor.

Содержание

<i>Шенфилд, Стефен.</i> Вступительное слово _____	3
<i>Пастухов, Владимир.</i> Записки на полях трагедии _____	4
<i>Тишков, Валерий.</i> Террор и его обозреватели _____	11
<i>Расселл, Джон</i> Басаев — бесланский зверь? _____	15
<i>Хопман, Теренс.</i> Россия, Чечня и «война против террора» _____	19
<i>Шенфилд, Стефен.</i> Политическое урегулирование в Северной Ирландии — какая взаимосвязь с Чечней? _____	24
<i>Тишков, Валерий.</i> Размышления после симпозиума _____	26
<i>Шенфилд, Стефен.</i> Заключительные комментарии _____	29

Стефен Шенфилд

Вступительное слово

Я уже посвящал один специальный выпуск RAS (The Research and Analytical Supplement) конфликту в Чечне (№ 7, апрель 2002 г.). Несмотря на то, что отдельные его данные этого сообщения устарели, большая часть материалов остается актуальной. Почему же вновь специальный выпуск посвящен Чечне?

Чечня, вероятно, является наиболее значимым фактором, влияющим на нынешнее ухудшение взаимоотношений России и Запада. В первую очередь, причем на уровне общественного мнения, это заметно в Западной Европе. Негативная роль, которую проблема Чечни сыграла в отношениях России и Запада,

стала еще более очевидной в свете трагедии Беслана, которая нанесла России своего рода эмоциональную травму, сравнимую с событиями 11 сентября 2002 г. в США.

Я надеюсь, что данный симпозиум, на который собрались российские, американские и британские специалисты по проблемам Чечни, внесет свой небольшой вклад в дело улучшения взаимопонимания и сохранения каналов коммуникации открытыми¹. Я был бы очень счастлив, если бы данный симпозиум позволил приблизиться к установлению мира в Чечне, но, возможно, мои надежды нереальны, поскольку, в кон-

це концов, все участники симпозиума открыто признают, что не видят ясного пути к этой цели.

Российские участники прислали мне тексты на русском языке. Я перевел их на английский и сверил перевод с авторами. С их согласия я добавил также некоторые пояснения².

Поскольку здесь я использовал нестандартную форму слова «российские» («Rossian»), мне следует привести лингвистическое объяснение. Следуя практике, за применение которой длительное время выступает один из участников дискуссии Валерий Тишков, я передаю значение слова «россияне» (жители России в этническом значении, по государственной принадлежности) неологизмом «Rossians» и оставляю слово «Russians» для «русских» (в этническом смысле). Чтобы отметить, что Российская Федерация (Russia) не является

моноэтническим государством русских, я также использую соответствующие неологизмы «Rossian Federation» и «Rossia». Я следуя этой практике в переводах и моих собственных текстах, подготовленных для обсуждения, но не рискнул сделать соответствующую редакторскую правку в текстах других участников, написанных на английском языке.

Мы приглашаем всех желающих присоединиться к дискуссии в рамках культурного дискурса. Я сожалею, что мы не смогли организовать участие чеченских ученых в симпозиуме, поэтому мы будем особенно приветствовать появление их исследований в будущем. Выражаю также надежду, что те коллеги, которым предлагалось участвовать в нашем обсуждении написанием своих работ и которые не смогли сделать этого по причине занятости, найдут время для этого в ближайшем будущем.

Владимир Пастухов

Записки на полях трагедии

История ничему не учит народы, война не меняет людей к лучшему, трагедия никого не объединяет – таковы грустные политические уроки драмы в Беслане. Слишком мало времени прошло, чтобы можно было сделать разумные и достоверные обобщения. Слишком много времени прошло, чтобы продолжать живописать ужасы трагедии и разбираться, кто виноват. Но на полях первых, преимущественно эмоциональных комментариев можно сделать заметки о тенденциях, которые относятся больше не к самой драме, а к той почве, из которой она выросла.

Холодная война

Наши отношения с Западом были, есть и на ближайшую перспективу останутся одним из ключевых факторов, определяющих внутривнутриполитическую ситуацию в стране. События в Осетии, как это ни парадоксально, выпукло и очевидно показали, что эти отношения про-

должают оставаться враждебными с обеих сторон.

Нисколько не ставя под сомнение искренность народов Европы и Америки в выражении сочувствия жертвам теракта, следует признать, что политически Запад оказал поддержку не России, а чеченским сепаратистам, не Путину, а Масхадову. Для многих россиян это стало шокирующим открытием, хотя ничего неожиданного в этом нет.

Причины, по которым «цивилизованный мир» отмежевался от нас даже в эти по библейски скорбные дни, можно разделить на «исторические» и «политические».

Исторические причины очевидны. Как показывают последние исследования, изменения в массовом сознании того, что касается образов народов в глазах друг друга, происходят чрезвычайно медленно, запаздывая зачастую на века. Образ России как огромного и опасного медведя будет жить в подсос-

нении больших и особенно малых народов Европы еще не один десяток лет. Россия слишком велика, слишком сильно «нависает» над Европой, чтобы подобного рода представления могли расцеститься за каких-то полтора десятка лет.

К этому надо добавить, что и сознание ныне живущего поколения европейцев и американцев сформировано преимущественно суровым климатом холодной войны. Те, кто быстро похоронил ее наследие, соблазнившись открывающимися перспективами «нового мышления», погорячились. Логика противостояния была не опровергнута, а лишь поставлена под сомнение.

И, наконец, сама горячность и поспешность, с которой мировые лидеры с обеих сторон в конце 1980-х – начале 90-х гг. пытались сформулировать постулаты новой политики, оказалась «медвежьей услугой». Маятник слишком сильно качнулся в сторону «политического романтизма», родив нереалистические ожидания. Когда эти ожидания не оправдались, он в соответствии с законами «политической механики» резко пошел в обратную сторону. Таким образом, сегодняшнее «похолодание» во многом спровоцировано слишком быстрым потеплением начала 1990-х.

Все вышесказанное в равной степени относится и к русским, у которых, как показали события в Беслане, антизападные настроения могут принять масштаб утерянной национальной идеи.

Политические причины также очевидны и кроются в несовпадении стратегических и сиюминутных интересов как Запада, так и России.

С точки зрения стратегических интересов, к которым следует отнести необходимость обеспечить выживание и развитие своих народов перед лицом глобальных угроз, Запад и Россия оказались в одной лодке и должны грести вместе. Но их сиюминутные интересы по-прежнему не совпадают, приходя, зачастую, в острое столкновение.

Идет борьба за рынки, за сферы влияния, за ресурсы. В период, когда Россия была целиком и полностью сосредоточена на преодолении междоусобных распрей, ее способность не только защи-

щать, но даже озвучивать свои интересы и притязания (безотносительно к тому, насколько они обоснованы и справедливы) была столь мала, что их можно было не принимать в расчет. Поэтому считалось, что интересы России и Запада совпадают... Однако, когда в России произошла, пусть временная и слабо ощутимая, но все-таки стабилизация (не важно, объясняется ли она трезвостью Путина или ростом цен на нефть на мировых рынках), самостоятельные амбиции России, которых как бы уже не существовало, вновь обозначились.

В стратегическом плане Западу должна быть выгодна сильная Россия как потенциальный союзник в борьбе с теми многочисленными вызовами, которые ему самому приготовил XXI век. Но с точки зрения сиюминутных интересов, она ему в таком качестве совершенно не нужна. Западная политика уже освоилась с реалиями конца XX века, в которых Россия имела лишь совещательное право голоса по основной повестке дня. К тому же Запад поставлен в непростое и двусмысленное положение, когда бывшие сателлиты России из Восточной Европы, а также от Прибалтики и Украины до Грузии и Узбекистана, либо дают понять о своей «обеспокоенности», либо прямо призывают о помощи в борьбе с «имперской угрозой». Здесь очень велик соблазн восстановить статус-кво 1990-х и вернуть Россию «на место», нажимая на ее «болевые точки», среди которых Чечня, безусловно, самая болевая. Идет торг: мы «меняем» Чечню, то на Косово, то на Ирак, а Запад вынужден следовать совету Аль-Капоне о том, что доброе слово и пистолет действуют, как правило, лучше, чем просто доброе слово. Поэтому вслед за «добрыми словами» о жертвах Беслана следуют заявления Госдепа о продолжении контактов с чеченской оппозицией и запрос Евросоюза с требованием объяснений «как мы дошли до жизни такой».

Здесь нет ничего нового, кроме того, что фобии эти оказались настолько сильными, что кровь детей не смогла приглушить их хотя бы на несколько дней. В России это не осталось незамеченным. Чувство одиночества испытала нация

вслед за шоком, состраданием и ненавистью. Запад сам удивился своей реакции и спустя несколько дней после трагедии стали появляться отрезвляющие публикации, делающие попытку «анализа собственных эмоций» и «сглаживающие» заявления официальных лиц.

Так или иначе, но то, что до этого официально замалчивалось, вдруг вышло наружу. События в маленьком осетинском городе вдруг «высветили» конец эпохи романтизма и оттепели в отношениях Восток-Запад. Будущее этих отношений не определено. Россия и Запад оказались в той точке своих взаимоотношений, когда любовь кончилась и дальше либо будет брак по расчету, либо начнется развод. Возникла настоятельная потребность «объясниться».

Политическое решение в Чечне

Главный пункт, по которому сейчас требуется «объяснение», – пресловутая проблема «политического урегулирования» в Чечне.

Сразу оговорюсь, что я всегда был и остаюсь последовательным сторонником той точки зрения, в соответствии с которой «чеченский вопрос» не может быть решен силовым путем; война не имеет перспективы; корни этой войны произрастают из общероссийских противоречий, в том числе конституционных, а лица, виновные в ее развязывании с обеих сторон, рано или поздно должны понести наказание. В то же время, предлагаемая сегодня «противниками войны» схема «политического урегулирования» выглядит неубедительно.

Беспрецедентная жестокость теракта в Осетии резко заострила спор о возможности или невозможности «политического решения», что на сложившемся за годы кавказской войны жаргоне означает «возможность или невозможность прямых переговоров с "непримиримыми"», в первую очередь, с Асланом Масхадовым.

Главные оппоненты здесь официальные российские власти и поддерживающая их значительная часть населения России (как это кому-то не будет неприятно), с одной стороны, и правящие круги Запада и поддерживающая их «ми-

ровая интеллигенция», как западная, так и российская, – с другой.

Каждая из сторон увидела в бесланских событиях дополнительные аргументы в свою пользу. Для российской власти случившееся стало еще одним доказательством того, что с «таким» противником вести никакие переговоры нельзя³. Для Запада теракт стал лишним свидетельством того, «до какого отчаяния дошел чеченский народ, ведущий борьбу за свое освобождение от колонизаторов».

Эти споры оставляют в стороне главный вопрос – о содержании компромисса, к которому призывают Москву. Обсуждение предмета переговоров почему-то ушло на второй план. Все интересуются только кругом участников. Но именно предмет переговоров, а вовсе не стороны, в первую очередь, определяют их перспективу.

Парадокс состоит в том, что и Запад, и Россия, отстаивая свою точку зрения, опираются сегодня на устаревшие политические теории, при помощи которых невозможно очертить поле политического урегулирования в Чечне. Оказывается, что дело не только в отсутствии политической воли, но и в отсутствии политической мысли.

На поле политической философии сегодня пасутся две «священные коровы»: доктрина «национально-государственного суверенитета» и то, что можно назвать доктриной «Вильсона-Ленина», закрепляющей право нации на государственное самоопределение «вплоть до полного отделения...». Безусловно, ссылка на суверенитет не может служить для российского правительства основанием требовать невмешательства в свои внутренние дела. В условиях современного, глубоко интегрированного мира этот принцип брежневской эпохи больше не работает. Но и время безусловной поддержки «национально-освободительных движений» тоже безвозвратно прошло. Однако это последнее обстоятельство Западом осталось незамеченным.

Рожденный в эпоху краха колониальных империй, когда происходило расчленение относительно обособленных и отдаленных, преимущественно замор-

ских колоний от метрополий, тезис о праве наций на самоопределение совершенно неприменим для решения проблемы этнических меньшинств, в том числе компактно проживающих на территориях современных государств с высоко интегрированной экономической и политической системой. Нет нужды специально доказывать, что последовательное воплощение этого принципа по всему миру, начиная от канадского Квебека, американской Флориды и британской Ирландии и заканчивая турецким Курдистаном, сербским Косово и российской Чечней, приведет к полной дестабилизации границ и международного порядка и так не очень прочного. Если же его применять избирательно, то он перестанет быть принципом.

Собственно, в теоретическом плане право наций на государственное самоопределение – это миф, реализация которого на практике в полном объеме невозможна. Любой этнический анклав неоднороден. При отделении меньшинства в самостоятельное государственное образование на территории последнего образуются новые меньшинства, теперь уже из числа бывших титульных наций. Потребуется либо следующее отделение, либо этническая чистка и насильственное отселение. И так до бесконечности, до отдельно взятой улицы и дома. Тем не менее этот миф продолжает лежать в основании западной политики, в том числе в чеченском вопросе.

Прямо никто не ставит под вопрос суверенитет России на ее кавказских окраинах. Но никто и не дает оценку требованиям о предоставлении независимости Чечне. По умолчанию подразумевается, что эти требования обоснованы и справедливы, исходя из упомянутого пресловутого права нации на самоопределение. Таким образом создается иллюзия теоретической возможности «торга о суверенитете», которая в практическом плане выливается в радикализацию требований чеченской оппозиции, ощущающей поддержку «мирового сообщества» по основному пункту своих требований. Радикализм оппозиции вызывает ужесточение политики правительства, возникает замкнутый круг, который никто не в силах разорвать.

Сегодня требуется официально оформленное и должным образом закрепленное решение международного сообщества об отказе от доктрины права нации на самоопределение и о признании того, что защита законных прав национальных меньшинств должна осуществляться в рамках действующих государственных границ⁴. Только таким образом можно убрать антагонизм в позициях правительства и национальных движений и создать реальную почву для политического урегулирования. Тогда легче будет расширить круг участников и начать двигаться к консенсусу и действительно политическому решению.

«Легитимный» Масхадов и «нелегитимный» Путин

Спор вокруг возможных участников диалога по нормализации обстановки в Чечне дополнительно обострился из-за того, что Россия и Запад принципиально разошлись в оценке юридического статуса Аслана Масхадова. Запад понять можно. Для него Масхадов является законно избранным президентом, отстраненным от власти насильственно ранее срока истечения полномочий⁵. Но и Россию можно понять. Масхадов де-факто приостановил действие Российской Конституции на территории Чечни. Федеральное законодательство в годы его правления не действовало, с территории республики при попустительстве Масхадова велись военные действия против соседних регионов. Здесь возникла очевидная коллизия конституционных норм, которая вовремя не была разрешена должным образом, за что ответственность частично лежит на российских властях.

Эта коллизия имеет два уровня: сугубо юридический и политико-правовой. Руководитель субъекта федерации, который препятствует исполнению федеральных законов на своей территории и, более того, принимает решения, которые грубо нарушают эти законы, должен быть отстранен от власти. Однако в Российской Конституции механизм отстранения главы региона от власти не определен. Возможно, данную коллизию мог бы разрешить Конституционный суд,

опираясь на общие принципы права. Но такого запроса сделано не было, и процедура отстранения Масхадова от должности не была осуществлена. Вопрос остался открытым, и Масхадов действительно де-юре выглядит легитимным руководителем республики.

Эту коллизию ничем, кроме некомпетентности политики Кремля в правовых вопросах объяснить нельзя. Корни же другой коллизии гораздо глубже, они уходят в конституционную историю посткоммунистической России и касаются легитимности самой Российской Конституции.

Механизм принятия Российской Конституции (на общенародном референдуме 1993 г.) не соответствует ее природе как Конституции федеративного государства. Поскольку официально учитывались лишь общие итоги голосования, принятие Конституции каждым субъектом федерации, в отдельности по территориям, всегда может быть поставлено под вопрос. В основе единства России должна лежать Конституция, принятая как населением в целом, так и каждой ее территории.

Таким образом, окончательное разрешение «споров о легитимности» станет возможным только при возобновлении конституционного процесса, в ходе которого съездинская Конституция «переходного периода» будет заменена конституцией, основанной на политических реалиях новой России. Конституционная легитимизация государственного единства России не единственный вопрос, который придется решать в рамках этой ревизии, но, безусловно, один из самых главных.

Мировая интеллигенция и трагедия

То, что события в Беслане не заслонили, не оттеснили на второй план и даже не приостановили на какое-то время критику «недемократичного Путина», не желающего восстановить диалог с «легитимным Масхадовым», является четким индикатором того, что за такой критикой стоит нечто большее, чем инерция мышления или политическая игра. За нею стоят убеждения. Это продолжение не только исторического про-

тивостояния, о чем было сказано выше, но и идеологического. И главным оппонентом Кремля на этом поле стали вовсе не Белый дом, Даунинг-стрит или Елисейский дворец, и даже не ЦРУ, МИ-5 или МОССАД, а мировая интеллигенция, западная и отечественная, – естественный носитель либеральной идеологии.

Ирония истории часто заключается в том, что по итогам войн наибольший урон в долгосрочной перспективе несут не побежденные, а победители. Бремя победы – тяжелое бремя, и нести его нелегко. Холодная война не стала исключением. Внешняя легкость, с которой рухнула коммунистическая империя, привела к тому, что западная интеллигенция заблела мессианством. Пока пыль, поднимавшаяся от обломков рухнувшей Берлинской стены, заслоняла горизонт, она успела поверить в то, что Запад действительно «последний герой», что его история есть универсальная история, его ценности есть универсальные ценности, его культура есть скрытая сущность всех других культур. Для нее кончилась история, идеология, культура, развитие⁶. С фанатизмом новых крестоносцев западная интеллигенция стала проповедовать свои, на самом деле великие, ценности по всему миру и, прежде всего, в бывшей «цитадели зла» – России.

Русское общество поначалу оправдывало ожидания, жадно вбирая в себя новый лексикон, новые политические и экономические формы. Русская интеллигенция, традиционно прозападная в своей основной массе, стала надежным проводником либеральных идей. Вот только провод, по которому шла вся эта недюжинная энергия, оказался шнуром заземления. Удар молнии ушел в «русскую почву» и растворился на необъятных просторах нашей самобытной культуры. Формы остались, лампочки висят, батареи на месте, только они не светят и не греют. Не изменилось главное – этический код поведения людей, не появились самоограничение, самоорганизация, самоконтроль, без которых ни один западный институт не может работать. Демократичное на вид общество стало превращаться в трудно управляемый, криминальный и насквозь коррумпированный конгломерат.

Однако поверившая в свою миссию интеллигенция уже ничего не хотела замечать. Напрасно звучали отрезвляющие голоса более внимательных наблюдателей о том, что партии в России фиктивны, пресса продажна, выборы декоративны, а бизнес криминален; что иначе и не может быть в стране, не прошедшей школу западного христианского и гуманистического воспитания. Западная элита судит Россию по своим законам и не хочет видеть ничего, что лежит глубже, чем надуманные «критерии демократичности». Она просто уже не в состоянии посмотреть на русскую политику под другим углом зрения, чем угол соответствия «демократическому стандарту». И никакая кровь детей уже не сможет сдвинуть ее с этой позиции. В этом отношении западная интеллигенция оказалась даже значительно инертнее своих правительств и своих народов. Это трагедия победителей.

Но еще более трагичным оказалось положение отечественной интеллигенции. Являясь по взглядам частью мирового либерального движения, она унаследовала от русской культуры большевистский темперамент и народовольческий нигилизм.

Нельзя сказать, что претензии, высказываемые в либеральной прессе в связи с печальным итогом драмы, как к власти в целом, так и к ее разнообразным ветвям, не обоснованы. Каждая из них в отдельности может быть рассмотрена и признана в той или иной мере справедливой: Где были? Что делали? О чем думали раньше? Кто, в конце концов, за это ответит, в том числе персонально? И, наконец, зачем нам Чечня, зачем жесткий курс, откуда на войне зверства??? Но общее впечатление складывается такое, что эти вопросы задаются людьми, не имеющими к происходящему никакого личного отношения. Старинная черта российской интеллигенции, ее отчужденность от власти, как никогда остро проявилась в дни кризиса.

Поддела – задать правильный вопрос. Вторая, более важная половина, – задать его в нужное время и нужным тоном. Это умение отличает культурного

человека от образованного. Наша интеллигенция в трагические дни еще раз продемонстрировала, что она не культурна, что она оторвана от общества, живет своими эгоистическими клановыми интересами. Интеллигенция в очередной раз возложила ответственность за происшедшее на власть (не вызывает сомнения, что это отчасти справедливо), но она отказалась признать свою собственную ответственность как части русского общества. И это грубейшая ошибка, так как корни зла вовсе не в русской власти, как это традиционно представляется русской интеллигенции, а в состоянии, прежде всего нравственном, русского общества, отражением духа которого, в конечном счете, только и является власть.

«Ошибки логики» и «логика ошибок»

Русская власть несет свое бремя ответственности за пролитую кровь. Никто не спорит с тем, что трагедия стала кульминацией многочисленных и множасьших политических ошибок и даже преступлений. Ошибочно было само начало войны, также ошибочно была ее последующая эскалация, ошибочны расчеты на скорую победу и на наивность населения, которому можно бесконечно долго рассказывать легенду о восстановлении мирной жизни в Чечне. Преступно было разваливать эффективную систему безопасности, мотивируя это надобностями демократии, преступно бессмысленно и бестолково лгать с экранов телевизора, создавая дополнительную угрозу жизни людей (лучше уж честно ограничить трансляцию и не давать комментариев). На протяжении десятилетия лет совершалась одна ошибка за другой. За часть ошибок несет ответственность нынешняя власть, за другие и спросить уж не с кого. Эти ошибки достались нам по наследству.

Все это так, но есть одно обстоятельство, которое не учитывают критики Кремля, – эти ошибки уже произошли. Существует трагическая логика политических ошибок. Вчерашняя ошибка становится сегодняшней политической реальностью, которую уже невозможно изменить ни признанием, ни покаяни-

ем, ни обратным действием. Войну можно быстро начать, но ее нельзя так же быстро закончить, даже осознав ее ошибочность и преступность, даже имея твердую волю к этому. Нельзя воскресить преднамеренно и случайно убитых; нельзя «родить обратно» поколение, жаждущее мести и умеющее хорошо делать только одно – убивать. За десять лет на Кавказе, да и в России в целом, возникла аура войны. Она во многом определяет политическое поведение власти, создавая очень узкий коридор возможностей для политического маневра.

Звучит много советов по поводу окончания Кавказской войны. К сожалению, среди них мало дельных. Первый из них (от либералов) – предоставить Чечне независимость. Чечня де-факто была независимой в период от Хасавюртовского соглашения до нападения на Дагестан. Это привело к тому, что она превратилась в криминальный анклав, куда стекались преступные элементы со всех близлежащих территорий и где главными промыслами были захват людей в заложники по всей России и незаконный оборот наркотиков, оружия и нефти. Не только наш, но и международный опыт показывает, что как только территория, не имеющая собственной сильной государственной организации, получает тем или иным образом государственную независимость, вакуум власти в ней заполняется криминалитетом и международными тоталитарными сектами (в данный момент с исламско-террористическим окрасом и под брендом «Аль-Каида», но какое разнообразие их еще увидит мир в будущем!). Независимость не избавит нас от войны и террора, просто война, отчасти гражданская, окончательно превратится в обычную с «внешним противником» и с еще большими потерями.

Второй совет (от умеренных) – начать блокаду Чечни. По сути – это форма предоставления независимости, но более закамуфлированная, с попыткой «сохранения лица». Она еще более утопична, так как политически такой «подарок» не устроит ни врагов, ни друзей. И, кроме того, полная блокада в горах при нынешнем состоянии экономики, техни-

ческой вооруженности и коррумпированности власти в России возможна только на бумаге.

Третий совет (из Европы) – интернационализация конфликта по боснийскому и косовскому сценариям. В этом случае при сохранении суверенитета России над данной территорией де-юре (опять-таки – сохранение лица) он упрядняется де-факто. В зону конфликта вводится международный военный контингент без российского участия, который контролирует ситуацию. Этот сценарий так же утопичен, как и два предыдущих. Проблема состоит в том, что те, кто его предлагают, как правило, общаются в Европе с представителями политического крыла «повстанческой армии» – Закаевым, Ахметовым и, в конце концов, самим Масхадовым. Поэтому им кажется, что эти «разумные чеченцы» в европейских костюмах готовы признать авторитет Запада и его правила игры. Проблема в том, что на самой территории правила игры задаст не политическое, а военно-криминальное крыло движения. Для последнего авторитет Запада столь же иллюзорен, как и авторитет Кремля. Они будут действовать по своей собственной логике. Чтобы ее преодолеть, Западу придется вместо России вести на Кавказе полномасштабную войну со всеми вытекающими из этого последствиями. Этого никто, конечно, делать не будет и все сведется к политике сдерживания малыми силами. Западу будет отведена роль свидетеля, но не на свадьбе, а на непрекращающихся похоронах. Собственно, это именно та роль, которую он играет сегодня в сербском Косово. Итог – тот же криминальный анклав, те же торговля наркотиками и людьми, те же теракты, но под европейским прикрытием и с исходом уцелевшего мирного населения в Россию, Грузию и Азербайджан.

Предложение быстро победить в данной войне (от слепоглухонемых) даже неприлично обсуждать. Других идей нет, хотя слов произносится очень много со всех сторон одновременно.

Вчера и позавчера войну еще можно было остановить. Этого не было сделано. Те, кто по недомыслию либо из корыстных побуждений этого не сделали, должны быть призваны к ответу. Если

нынешняя власть этого не сделает, она возьмет их вину на себя.

Но сегодня мы обречены продолжать эту войну. Мы не можем просто так из нее выскочить. Мы втянуты в нее по уши, и пройдет не один год, пока мы сможем вытащить из этого дела сапоги. Наши дети – заложники бандитов, но мы все заложники славной политики начала 1990-х, чужих и собственных ошибок.

Однако, если нельзя сразу исправить ошибки, то надо хотя бы не делать новые. Путь в Чечне, как и Буша в Афганистане (Ирак – отдельная тема), нужно критиковать не за то, что они делают, а за то, чего они не делают. Надо искоренять почву, которая порождает войну, бороться не столько со следствиями, сколько с причинами. Показалось, что после страшной трагедии Путин стал это понимать. Дай Бог!

Валерий Тишков

Террор и его обозреватели

С террором невозможно мириться, потому что террор направлен против невинных людей и против человеческой жизни как высшей ценности. В равной мере невозможно мириться с позицией, которая провоцирует, поддерживает и оправдывает террор или которая использует терроризм в утилитарных политических целях. Недели после Беслана были наполнены не только выражениями соболезнования, но и размышлениями: какие уроки должно извлечь общество и государство из случившегося. Помимо уже сказанного растущей армией экспертов по терроризму, политиками и рядовыми гражданами, отметим несколько направлений, которые необходимо отслеживать и которым следует противостоять в борьбе против терроризма. Речь идет о более сложных сторонах феномена современного терроризма, а именно – о более широком круге вовлеченных и участвующих в производстве террора акторов. Без воздействия на этот «широкий круг террора» с целью его нейтрализации или хотя бы ограничения его влияния победить терроризм невозможно.

Внешние предпосылки терроризма

Беслан подтвердил, что как у вооруженного конфликта, так и у террора есть не только исполнители и заказчики, но и широкий круг сочувствующих, чья позиция поощряет террористов и

ослабляет способность его противодействию. Свое исследование чеченской войны я завершил главой под названием «Чечня как цена и как роль?», обратив внимание на проблему узурпации конфликта внешними акторами, среди которых важную роль играют, пользуясь словами Майкла Игнатьева, «либеральные интервенционисты». События в Беслане показали, что террор против России и на территории России имеет моральную поддержку среди тех, для кого наша страна остается главным геополитическим соперником, и для тех, кто переживает чувство реванша в отношении бывшего «старшего брата». Воины холодной войны и бойцы против коммунизма никуда не исчезли: они просто стали борцами против России как «новой империи» или как страны средоточия разных пороков. Если посмотреть состав Американского комитета за мир в Чечне, особенно на его инициативную часть, то там присутствуют более чем знакомые лица: Збигнев Бжезинский, Александр Хэйг, Макс Кампельман, Стефен Соларц, Гленн Говард, за ними следуют Мортон Абрамовиц, Николас Данилофф, Джон Данлоп, Пол Гобл, Пол Хенце, Ричард Пайпс, Питер Реддуэй, Маршалл Гольдман и еще пара десятков лиц, которые посвятили свои карьеры разного рода службам и занятиям, связанным с СССР и с постсоветскими государствами, включая новую Россию.

Именно эти люди вместе с Американским институтом по исследованиям публичной политики (программа «Новая атлантическая инициатива» во главе с Раденом Сикорским) провели в декабре 2003 г. в Вашингтоне конференцию на тему «Катастрофа в Чечне». Отчет об этой конференции в Интернете вместе с биографиями выступавших – это программа продолжения вооруженной сессии любыми средствами на Северном Кавказе и одновременно – это коллективный портрет ненавистников России и поверхностных экспертов по Чечне, для которых прекращение войны без отделения от России – это больше чем «трагедия чеченского народа», это – личная трагедия. Именно Бжезинский и Говард прибрали к рукам масхадовского пособника Ильяса Ахмадова и за предоставляемое скромное содержание манипулируют им в своих целях, в том числе добились для этого активного участия террористического сообщества Масхадова-Басаева предоставления политического убежища. И это только две из многочисленных акций и направлений деятельности некоторых неправительственных организаций в странах Запада, которые в изощренных академических и политических формулах поощряют террор против нашей страны.

Ясно, что питающая жизненную русофобию польско-еврейская кровь Бжезинского останется с ним до конца, как и мало вероятно, что прекратят свою борьбу с Россией те, кто отдал этому делу значительную часть своей жизни, получив генеральские чины, профессорские позиции и славу «ведущих специалистов». Но зачем нам, россиянам, будь это мои коллеги по экспертному сообществу, журналисты, издатели или чиновники, выдающие въездные визы, выражать подобострашие или равнодушие к взглядам и деяниям тех, кто отливает слова ненависти, убивающие не меньше, чем пули? Зачем переводить и издавать слабые научные и публицистические работы Пайпса, Бжезинского, Данлопа и других, если даже в самих США современное поколение считает их вымирающими мастодонтами холодной войны? Если бы я позволил себе даже

малую часть такого же отношения к США и в ходе своей академической карьеры стал заниматься антиамериканской деятельностью (например, поддерживать сепаратистские взгляды и даже действия организации «Гавайская нация» во время полковой работы на Гаваях 20 лет тому назад), нет никаких сомнений, что у меня были бы серьезные проблемы в отношениях как с коллегами из этой страны, так и с ведомством, выдающим американские визы. Почему нет никаких проблем у таких антироссийских параноиков, как американец Бжезинский или француз Андре Глюксманн? Отчасти потому, что в самой России до сих пор отсутствует минимальный гражданский консенсус по отношению к собственной стране и к ее власти и до сих пор ныне разрешенные «запретные голоса» с Запада представляются выражением «истины» и «проницательности».

Апофеозом глупости можно считать публикацию панегирика в адрес Бжезинского, сочиненного журналистом Дмитрием Шушариным и опубликованного вместе с полосной фотографией героя под заголовком «Подлинный русский патриот»⁷. Поводом для публикации стала недавняя статья Бжезинского все в той же «Уолл-стрит джорнел» под названием «Московский Муссолини», которая содержит мерзкие высказывания в адрес российских властей, а также попытку противопоставить страну и «кремлевских паразитов». По мнению российского журналиста, американский профессор всего лишь выражает «очевидное сочувствие стране, которая и дальше будет продолжать падение на фоне нефтяного процветания Кремля».

Могу подтвердить, что после событий 11 сентября в США, я и многие российские эксперты достаточно осторожно высказывались о причине и последствиях этой трагедии, дабы не затронуть патриотические чувства американцев. Американская нация, включая прессу и ученых, выглядела в те трагические дни консолидированной и обсуждала прежде всего, как победить террористов, объявивших войну Америке. Подвергать сомнению эту установку было трудно, а для внешних обозревателей – невозмож-

но без того, чтобы не получить в ответ как минимум моральные санкции. Но тогда почему со стороны России столь аморфное отношение к тем западным ученым и политикам, кто до сих пор вещают, что ФСБ взорвали жилые здания в Москве, что Масхадов и Закаев не имеют отношения к Басаеву, что террористический акт в Беслане не есть часть международного терроризма? Почему ведущий радиостанции «Эхо Москвы» Матвей Голенпольский в разговоре с корреспондентом CNN о происходившем в Беслане старательно заменяет слово «террористы» на почти безобидные «захватчики», «боевики», и это лицемерие не становится хотя бы предметом критики и более разборчивого отношения к размещению рекламы и к участию в передачах этой радиостанции?

Беслан как моральное падение

Трагедия в Беслане стала моральным падением многих экспертов и журналистов и не следует закрывать на это глаза. Согласимся, что экспертам и журналистам никто не дает установок, кроме их боссов и спонсоров. Тогда вполне возможно подвергнуть анализу, почему газета «Уолл-стрит джорнел» 8 сентября публикует статью Гарри Каспарова «Путин должен уйти», а до этого после убийства Ахмада Кадырова опубликовала мерзкую статью Глюксманна, в которой он назвал этот теракт справедливым возмездием «ставленнику Москвы» и «подлинному террористу». При этом в распоряжении газеты были тексты совсем другого содержания по этим же самым сюжетам, но они не были опубликованы. Кто, кроме самого автора Каспарова, несет ответственность за откровенную клевету о продолжающемся уничтожении чеченских сел российской армией и за вытекающий отсюда подстрекательский вывод о справедливости возмездия в Беслане: руководитель бюро этой американской газеты в Москве – Грегори Уайт или его боссы в главной редакции? Зная лично господина Уайта, не думаю, что он стоит за этой публикацией. Но в любом случае журналистское сообщество в России должно было выразить свое отношение к гру-

бым выпадам влиятельной западной газеты против России и президента в столь трагической ситуации. Или в России и по отношению к России все дозволено?

Большой внешний круг симпатизирующих и моральных пособников террора против России теперь дополнился представителями новых членов Европейского сообщества, которые вышли из состава СССР или из числа его сателлитов с родовой травмой антироссийскости. Беслан показал, что у новых врагов России есть свои особо изощренные аргументы. Как считает автор книг о Чечне, польский обозреватель Хенрик Сухар, Россия виновата в том, что более 120 лет Польша отсутствовала на картах Европы, и поляки не забыли расстрелы польских граждан в Катини: «Поэтому события в России мы оцениваем с учетом нашего прошлого, в котором накопилось много «незакрытых счетов», связанных с российско-польскими отношениями»⁸. Кто же будет следующим в своем оправдании терроризма против России? Вполне возможно это будут украинские националисты, требующие от России «заккрыть счет» по вымышленной цифре в пять миллионов жертв «голодомора» начала 1930-х гг., или прибалтийские энтузиасты получения репараций с России. С этими новыми реваншистами что-то нужно делать и им что-то нужно противопоставлять хотя бы на уровне аргументов и политических воздействий, а не оставлять без внимания в опасных увлечениях наказанием России через независимость Чечни.

Одним из аргументов и тактических ходов сторонников террора против России являются ссылки на мнения и писания самих россиян. «О том, что за взрывами домов в Москве и Рязани(?) может стоять ФСБ, писали сами российские газеты» как самый убедительный аргумент называли докладчики на вышеупомянутой конференции в Вашингтоне в декабре 2003 г. «Об этом пишут Политковская и Бабицкий!», часто можно услышать аргументы западников даже в серьезных дебатах о Чечне. «Уолл-стрит джорнел» также не случайно опубликовала статью россиянина Каспаро-

ва: казалось бы, кому еще доверять, как не столь известному гражданину России?

*Проблема ответственного
гражданина*

В том и состоит драма российского общества, что его элита не консолидирована вокруг некоторых базовых ценностей, как, например, непреложное признание Конституции и легитимности законно избранной власти, которые являются обязательными для ответственного гражданина. Само понятие «ответственный гражданин» в нашем общественно-политическом языке фактически отсутствует. Отсюда развязная в отношении государства и власти ежедневная обработка радиослушателей на «Эхо Москвы!» Андрея Черкизова, слова которого в дни Бесланского кризиса почти дословно повторял мне московский таксист, выдавая их за собственное мнение: «Эти гады в Кремле нам бессовестно врут, они специально не сообщают, кто захватил и сколько захватили!». Радиостанция «Эхо Москвы» любит проводить «телефонный рикшет», т.е. получать звонки от слушателей с реакцией на те или иные вопросы. Но подлинный «рикошет» заключается не в телефонных звонках слушателей известной радиостанции, а в том глубоком воздействии, которое оказывает радиопропаганда (по другому ряд передач этой и других станций назвать невозможно) на представления и действия людей.

С самого начала кризиса на Северном Кавказе в начале 1990-х гг. высокопоставленные деятели, а не только ученые и журналисты, могли спокойно заявлять, что «Чечню нужно отпустить», что «Чечня рано или поздно все равно уйдет», что «Дагестан мы можем потерять», что «Северный Кавказ – это не Россия» и подобные разрушительные сентенции. Более того, российская государственность подрывалась не только вооруженными сепаратистами, но и местными националистами, сторонниками разных «национально-самоопределяющих» проектов, «народных движений» и даже «народных ополчений». Кстати, в Беслане последние снова вылезли из полулегального состояния. Гражданские лица в тренировочных штанах с авто-

матами фактически были признаны федеральными и республиканскими властями как участники антитеррористической операции в роли «освободителей собственных детей».

Если Конституция России не позволяет насильственное отделение ее территории и в ней не предусмотрены народные ополчения, то оба эти проявления (вооруженный сепаратизм в форме терроризма и народные освободители) есть вызов государственному порядку. Я не ставлю в один ряд террористов и гражданских людей с автоматами, бегавших вокруг захваченной школы вместе с профессиональными бойцами спецназа. Но пока Северный Кавказ не станет жить строго по российским законам, его население будет страдать от хаоса и насилия, а его политикам не обеспечить эффективное государственное управление, не говоря уже об успешной борьбе против террористов.

Террор в Беслане вскрывает некоторые опасные проявления местных национализмов, которые могут быть использованы для всплеск межэтнического насилия – одной из целей террористов на Северном Кавказе. В газете «Известия» (07.09.04) уже появилась статья владикавказского профессора по поводу цивилизационной близости осетин к славянству и «решения снизу всех назревших проблем», связанных с «приходом с территории соседней республики терроризмом», под которой имеется в виду Ингушетия. Эти местные взгляды мало чем отличаются от взглядов внешних пособников терроризма: все они ведут к разрушению основ государственного порядка в стране и внутригражданского мира. События в Беслане должны раскрыть нам глаза на многое, что до сих пор не замечалось или благодушно терпелось. События в Беслане не должны позволить возмущению и ненависти ограничиться верхушечными или низовыми трагическими глупостями.

Но не менее важно в борьбе против терроризма вернуть собственное достоинство. Хотелось бы обрести больше единомышленников, для которых неприемлемы характеристики нашей страны в виде «смердного болота путинской Рос-

сии», как это позволил себе недавно один из российских общественно-политических еженедельников опять же с беззастенчивой ссылкой на подобную оценку в «Интернешнел геральд трибюн». Нужно понимать, что подобная характери-

стика страны есть моральная легитимация последующего акта террора против России. А те, кто этого не понимают, должны пройти обучение или получить отпор.

Джон Рассел

Басаев – бесланский зверь?

Официальная российская интерпретация захвата заложников в Беслане, принятая западными лидерами и едва ли не всеми СМИ на Западе, говорит о том, что это было российское 11 сентября, акция международного (исламского) терроризма на территории страны, направленная против невинных граждан законопослушного общества. Члены администрации Президента Путина выразили несогласие с тем, что факт захвата детей в заложники 1 сентября, отмечаемом как первый день школьных занятий в России, продемонстрировал только лишь как бесчеловечны и фанатичны террористы, попирающие основные человеческие ценности. Таким образом, интенсивная война против терроризма остается политикой Кремля по отношению не только к воинствующему чеченскому исламисту Шамилю Басаеву, взявшему на себя ответственность за события в Беслане, но и по отношению к умеренным чеченским лидерам, таким как Аслан Масхадов, Ильяс Ахмадов и Ахмед Закаев, сделавшим попытку осудить захват заложников и дистанцироваться от Басаева.

Несмотря на несомненные свидетельства обратного, постоянно замалчивались любые связи происшедшего с длительной войной в Чечне и недавними выборами нового президента Чечни. Ответственность за жестокую смерть около 400 заложников (половина из них – дети) была возложена на захватчиков так же, как это было после захвата заложников на спектакле «Норд-Ост» в Москве в октябре 2002 г. Несмотря на то, что можно безусловно согласиться с мнени-

ем политиков и представителей мирового общественного мнения о том, что ничто не может оправдать насилие против маленьких заложников (хотя бы для определения того, могут ли подобные атаки или их планирование предупреждаться в будущем), несомненно, стоит задать вопрос, почему Басаев сделал это?

Конечно, ответ прост, если быть убежденным в том, что Басаев всего лишь кровожадный корыстный фанатик, помешанный на идее реванша и желающий причинить, как можно больше вреда до того, как федеральные войска, наконец, его поймут. Однако длительное время его знали именно как одного из наиболее способных, ловких и дерзких партизанских бойцов нашего времени. Более того, история повстанческих и военных действий от Хиросимы до Фалуджи изобилует примерами того, как самые жестокие способы (с точки зрения жертв) применялись для достижения достойных (с точки зрения исполнителей преступления) целей. Басаев в своем широко (но редко полностью) цитируемом открытом письме от 17 сентября⁹ явным образом определяет основную цель бесланской операции – положить конец войне в Чечне, цель, которую разделяют многие из нас. Чем отклонять все послания Басаева, как сумасшедшего¹⁰, я предлагаю, чтобы мы не только тщательно проанализировали его интерпретацию захвата заложников в Беслане, но попытались также оценить, насколько «успешной» была данная акция в свете современных теорий терроризма.

Для западного ученого, нацеленного на поиск путей разрешения этого ужасного конфликта в интересах и чеченского, и российского народов, этот поиск неизбежно включает преодоление чувства глубокого отвращения к насилию, свойственному как самому террористическому акту, так и войне, порождающей его. Я стремлюсь не к тому, чтобы поставить между ними знак равенства или оправдать любой вид этого насилия. Моя задача состоит в том, чтобы объяснить его и поместить в такой контекст, который позволит провести рациональный анализ насилия. Мои аргументы направлены не против России как таковой, а на то философское обоснование и само течение всемирной «войны с террором», которую путинская администрация, очевидно, провидит в Чечне.

Басаев назвал операцию в Беслане «Норд-Вестом» – очевидная ссылка на предыдущий акт захвата заложников на спектакле «Норд-Ост». Название также намекает на то, что рейд планировался не в Назрани или Грозном (столицы Ингушетии и Чечни соответственно), которые расположены к востоку от Беслана, а в лесах южной Ингушетии, где базировался крупный лагерь боевиков¹¹. Катастрофа «Норд-Оста», неудачный повтор исключительно успешного рейда Басаева на Буденновск в 1995 г., закончилась тем, что захватчики были одурачены, поверив в то, что должны начаться переговоры, и применением газа, убившим 129 заложников. В данной истории остается так много вопросов, на которые мы не получили ответа, что предположение о том, что нам представили не все факты, становится очевидным.

В Беслане Басаев явно сменил тактику, решив избежать повторения результатов «Норд-Оста». Здание, наполненное детьми, с меньшей вероятностью стали бы штурмовать. Местное осетинское население должно было послужить дополнительным сдерживающим фактором штурма, т.к. благополучие заложников связывалось со скоростью удовлетворения Путиным выдвинутых требований.

Даже откровенно садистский отказ заложникам в воде последовал, согласно свидетельствам очевидцев, только после того, как российские власти намеренно занизили численность заложников, показав их число в 300 чел., тогда как реальная цифра составляла 1100 чел. (Большое число заложников было важным фактором, демонстрирующим значимость угрозы от захватчиков.) Подобным образом, отнюдь не очевидно, что Басаев лгал, когда утверждал, что штурм был инициирован федеральными силами, а не боевиками, стрелявшими в спины убежавших детей¹².

В своем письме Басаев признает, что совершил три ошибки во время бесланской операции:

* Он полагал, что осетины сформируют живой щит между школой и войсками

* Он считал президента Северной Осетии Александра Дзасохова более независимым и мужественным человеком

* Он недооценил жестокость Путина.

Подобная самокритика обозначает для меня то, что он скорее был готов избрать путь переговоров, чем массовой гибели людей, что происходит во многих случаях захвата заложников.

Его требования – окончание войны, независимость Чечни и отставка Путина – были подвергнуты критике как нереальные и, более того, как циничный ход для того, чтобы вынудить Путина принять жесткие меры. Тем не менее, тщательное прочтение его требований выявляет, что все они (а) относятся более к самоопределению Чечни, чем к исламской гегемонии и (б) граничат с условиями, действительно отвечающими требованиям национальной безопасности России.

Я уверен в том, что Басаев и не ожидал, что его требования будут удовлетворены. Это выводит на повестку дня вопрос о том, чего он хотел добиться. Ответ, по моему мнению, в том, что подобно многим другим повстанческим движениям, он обратился к терроризму как к тактике, как способу драматизировать свою ситуацию¹³. Если допустить, как это делает Лакер, что «терроризм – это пропаганда в действии, а ус-

пех террористической кам-пании, безусловно, зависит от меры публичности, которую она приобретает»¹⁴, то в таком случае, захват заложников в Беслане, как и акция 11 сентября 2001 г., достиг одной из главных целей. Тем не менее, широкомасштабные ответные меры, спровоцированные террористической атакой, не позволяют говорить, что она помогла достичь целей, которые обычно приписывают террористам (например, «война между исламскими фанатиками и Западом»), а также не имеет отношения к собственно военным действиям.

Однако, если целью теракта было напомнить общественности в России и на Западе о том, что политика Путина в Чечне зашла в невыносимо кровавый и жестокий тупик и что никто в России, не говоря уже о Чечне, не будет в безопасности, пока не будет принято удовлетворительное политическое решение, то в таком случае захват заложников в Беслане, как и более ранние взрывы в самолетах и на улицах Москвы, осуществленные смертниками, в некоторой степени достиг своей цели¹⁵. Что же касается использования невинных детей в качестве разменной монеты в этой игре, я полагаю, что мы должны быть последовательны, настаивая на том, что любые подобные чудовищные нарушения международных законов и норм ведения военных действий, включая и совершаемые с «нашей» стороны, должны быть осуждены и виновные должны понести соответствующее наказание. Я не одинок в своем мнении о том, что если часто цитируемая цифра 35 000–42 000 чеченских детей школьного возраста (по неофициальной статистике), убитых во время военных действий, сильно преувеличена, то число действительных жертв все равно исключительно велико, с чем невозможно смириться.

Это отражено в конце заявления Басаева, где он спрашивает у всего мира: «Ладно, мы плохие парни, и вы можете уничтожить 7000 наших боевиков. Но за что вы уничтожили 250 000 мирных чеченцев и продолжаете уничтожение по сей день? Они воюют с нами без прав при прямом потворстве всего мира, поэтому и мы не связаны никакими обя-

зательствами, и будем воевать по собственным правилам теми способами, которые дают нам большее преимущество. Если мировое сообщество в самом деле не хочет, чтобы в следующий раз мы захватили в России детский сад, оно должно настаивать на соблюдении Путиным международных законов»¹⁶.

Еще в 1988 г. эксперт по терроризму Алекс Шмид противопоставил действия, которые может предпринимать государство и негосударственные акторы в условиях «жесткой» политики. Если государство прибегает к таким репрессивным мерам, как убийства, государственный терроризм (пытки, «отряды смерти», исчезновение людей, концентрационные лагеря), массовые расправы, внутренняя война или геноцид, можно ожидать использования насилия и с противоположной стороны для борьбы с государством методами террористических атак, резни, партизанских действий и мятежей¹⁷. Сделка, которую Басаев очевидно, предлагает Путину, – это «прекратите ваши военные преступления и мы прекратим наши». Это – рациональная стратегия, каково бы ни было ваше мнение здесь о моральных принципах.

Вопрос рациональности террористов являлся предметом интенсивных обсуждений среди экспертов в последнее время. В то время как некоторые, например, Роберт Пейп склоняются к выводу, что «терроризм смертников приносит плоды»¹⁸, другие (как Макс Абрахамс) утверждают, что «терроризм всегда саморазрушительная стратегия»¹⁹. Главной идеей здесь является «стратегия». Существует достаточно примеров использования терроризма в качестве тактического приема для достижения ненасильственного политического разрешения конфликта, по которым можно заключить, что этот прием работает. С другой стороны, использование терроризма как стратегии может способствовать сохранению власти правящих тиранов и революционных мечтателей. Для дальнейшего рассуждений необходимо определить, использует ли Басаев терроризм как тактику или как стратегию. Следует также уяснить, что является базой российско-чеченского конфликта – борьба за че-

ченское самоопределение против территориальной целостности России или же это – часть исламского джихада против западной цивилизации. Мой анализ заявления Басаева указывает, что он уверен в значимости терроризма в обоих случаях.

Если это так, возникает вопрос: почему в Чечне не может быть найдено политическое решение, подобно достигнутому в Северной Ирландии? Оставим в стороне различия в масштабах конфликтов, их истории и географическом местоположении и сконцентрируемся на общих чертах этих конфликтов. В обоих случаях существовало столкновение культурных традиций, борьба за самоопределение, доминирование культа силы над правом практически в каждом аспекте жизни и применение обеими сторонами насильственных мер вне правового поля. Конец насилию был положен только в результате привлечения всех сил, заинтересованных в политическом разрешении конфликта, независимо от тех преступлений, которые совершались во имя борьбы.

Я полностью отдаю себе отчет в том, насколько мала вероятность использования «ольстерского» сценария в Чечне. Даже испанское правительство не может применить его для разрешения конфликта с баскской сепаратистской партией ЭТА. Тем не менее, мне кажется, что необходимо установить принцип применения данного метода.

Если бы данный подход был использован в Чечне, очень скоро бы стало очевидно, заинтересован ли Басаев, не говоря уже о Масхадове и иже с ним, только в продолжении вооруженной борьбы. Если, как я полагаю, население Чечни жаждет мира, те, кто намерен продолжать войну несмотря ни на что, будут вскоре идентифицированы и маргинализированы. В то же время те, кто может способствовать достижению мира, получат поддержку от России и международного сообщества; будут находиться в авангарде политического процесса.

Конечно, само по себе это не разрешит проблем Чечни. Движение к политическому урегулированию в Северной Ирландии было мучительно медленным, поскольку обе стороны были вынужде-

ны демонстрировать своим сторонникам, что они не идут на унизительные уступки. К этому необходимо добавить такой осложняющий фактор, как чеченский кодекс чести, включающий кровную месть, напряженность в среде ислама между адатом и ваххабизмом, деформированную экономику, загрязнение окружающей среды и мины, которые война оставит на территории Чечни. Россияне, в свою очередь, должны обуздать свои имперские амбиции в данном регионе и уменьшить кавказофобию, если есть необходимость в том, чтобы жители Северного Кавказа, не говоря уже о чеченцах, могли добровольно остаться в составе Российской Федерации.

Ничего не делание не может являться выходом ни для Чечни, ни для России, ни для Запада. Россия может указывать на применение двойных стандартов, когда западные «либералы» требуют от российского правительства действий в Чечне, но не требуют, например, того же от испанского правительства в стране басков или от британского правительства в Северной Ирландии. В качестве аргумента можно заметить, что ни испанское, ни британское правительство в настоящий момент не проводят бомбардировки повстанцев с воздуха, а также не используют тяжелую наземную артиллерию и не терроризируют гражданское население. Некоторые находят, тем не менее, что многие подобные «либералы» обвиняют коалиционные силы в Ираке и израильскую армию на Ближнем Востоке в тех же нарушениях, в твердой уверенности, что такие меры имеют обратный эффект и способствуют росту терроризма на этих территориях. Так, опытный военный репортер Крис Хеджес в своей резкой оценке американских военных действий в Ираке предупреждает: «Если мы и в дальнейшем позволим военным действиям и насилию быть нашей главной формой коммуникации, то мы не столько победим таких диктаторов, как Саддам Хусейн, сколько сами превратимся в них»²⁰.

Нам следует сохранить в памяти заключительную угрозу послания Басаева: «И скорее весь этот мир сгорит синим пламенем, чем мы откажемся от своей Свободы и Независимости!». По-

ставить этого закаленного противника в ситуацию прямого выбора между насильственной смертью и продолжением своей разрушительной деятельности не кажется мне самым рациональным подхо-

дом. Он может выглядеть бесланским зверем для большинства россиян и Запада, но для скольких людей на Северном Кавказе в частности и исламском мире в общем, он остается Че Геварой Чечни?

Теренс Хопман

Россия, Чечня и «война против террора»

Перед тем как высказаться по тематике симпозиума, мне бы хотелось изложить несколько базовых посылок к моим аргументам. Первое, мне как американцу всегда сложно давать «объективные» комментарии к российской политике в чеченском конфликте, поскольку американцев часто обвиняют, зачастую правильно, в использовании «двойного стандарта». Поэтому я постараюсь провести параллели с моими комментариями относительно политики США в юго-западной Азии и на Ближнем Востоке, особенно по поводу войны в Афганистане и Ираке, чтобы проиллюстрировать печальную реальность того факта, что политика двух бывших супердержав слишком часто схожа в бессердечном применении насилия и вере, что «цель оправдывает средства».

Я также начну с нескольких утверждений, которые, по моему мнению, превалируют над любыми аргументами, касающимися того, что является «рациональным» или «практическим», или даже «необходимым». Здесь я придерживаюсь длительной традиции, основанной на общих принципах международного законодательства, введенных голландским юристом XVII века Хуго Гроцием, который различал *jus ad bellum* (справедливость войны) и *jus in bello* (справедливость на войне)²¹.

Для того, чтобы война (или другие формы проводимого государством насилия) была признана юридически оправданной, она должна отвечать нескольким жестким критериям: быть принятой во имя утверждения «принципа справедливости», проводиться легитимной властью, соблюдать пропорции между средствами и конечной целью и являться последней возможной

мерой после того как все остальные средства исчерпаны. Организованное насилие, не отвечающее данным критериям, не может быть оправдано с точки зрения морали или законности, даже если проводится якобы наиболее гуманными способами. Более того, *jus in bello* предполагает, что негуманные или незаконные способы не должны применяться даже во время справедливой войны; и, кроме того, критический уровень их использования может принять такой масштаб, что война сама по себе не будет иметь оправдания, поскольку причиненный вред не идет в сравнение с ожидаемыми результатами. Например, таково было мнение многих американцев, когда они видели, что войну США во Вьетнаме, какой бы необходимой она не казалась в начале, становится абсолютно невозможно оправдать из-за страшных зверств, которые сопровождали боевые действия. Главный критерий *jus in bello* требует, чтобы прилагались все возможные усилия, для предотвращения гибели гражданского населения и для соблюдения других аналогичных законов войны, таких, как гуманное обращение с военнопленными.

В свете этого мне представляется, что ничто не может оправдать беспричинную атаку террористов 11 сентября на заведомо невинных людей, работавших во Всемирном торговом центре, или атаку на невинных школьников в Беслане, пациентов больницы в Буденновске или посетителей театрального спектакля в Москве. В то время, как мы должны попытаться понять причины данных атак, проанализировать многие случаи несправедливости по отношению к тем людям, которые проводили атаки, мы должны быть осторожны, чтобы наши усилия

объяснить поведение террористов, найти рациональные элементы, как это делает Джон Рассел в своей статье, не обратились каким-либо образом в этическое или юридическое оправдание подобных действий²². Эти действия представляют собой «преступление против человечности», и те, кто их осуществляет, какие бы благородные цели они ни объявляли, должны расцениваться международным сообществом как преступники и обращаться с ними нужно соответственно. Подобным образом, даже на войне во имя справедливости, ничто не оправдывает солдат, намеренно атакующих деревни и города, про которые известно, что там проживает большей частью невинное гражданское население; и «справедливая война» не позволяет убивать раненых и беззащитных противников, насиловать или причинять иной вред женщинам, грабить, жечь дома, применять пытки и жестоко обращаться с военнопленными.

Одновременно с тем, что я не могу считать войну США в Ираке «справедливой» по критериям *jus ad bellum*, несмотря на преступное поведение Саддама Хусейна по отношению к гражданам Ирака, я не считаю возможным оправдать огромные человеческие жертвы с обеих сторон, даже если бы война велась наиболее гуманными способами, что, к сожалению, нельзя сказать в этом случае. Военная операция США и других стран в Афганистане, тем не менее, мне видится качественно другой: она началась как прямой ответ на атаку на территории США людей, действующих при поддержке режима Талибана, проводилась по санкциям Совета Безопасности ООН, и прилагались все усилия для того, чтобы вести войну, сохраняя жизни мирного населения.

Тем не менее, даже если это «справедливая» война, не могут быть оправданы действия США, нарушающие принцип *jus in bello*, – бомбардировки деревень, в которых стреляли из оружия на свадьбе, содержание многочисленных членов «незаконных вооруженных формирований» на базе Гуантанамо и в других военных тюрьмах без предоставления им основных законных прав, защи-

щающих их от пыток для получения вынужденных признаний, и при нарушении других прав, гарантированных Женевской конвенцией.

К сожалению, еще труднее, согласно критериям *jus ad bellum*, дать ясную, недвусмысленную оценку поведения российского правительства в войне, начавшейся в Чечне в 1994 г. и возобновившейся в 1999 г. Очевидно, что оба раза имели место провокации. Однако тот факт, что как минимум с формальной точки зрения, это является «внутренним конфликтом» в пределах суверенной юрисдикции Российской Федерации, может быть расценен как оправдание отсутствия необходимости получения международного мандата на применение силы. Тем не менее сомнительно, что военные действия представляли собой «крайнюю меру» разрешения конфликта, так как в обоих случаях усилия использовать переговоры для политического урегулирования преждевременно срывались большей частью в результате решений, принятых в Москве. К этому обстоятельству я вернусь позднее. Но даже если бы мы расценивали российскую военную акцию как справедливую, во имя порядка и законности на собственной территории, по-прежнему остается невозможным оправдание действий российских военных в Чечне в терминах *jus in bello*, поскольку ими систематически нарушалась Женевская конвенция, Свод правил ОБСЕ о поведении в политико-военных действиях, подписанный в 1994 г., в канун начала насильственных действий, а также многочисленные другие международные соглашения, добровольно принятые к исполнению правительством Российской Федерации. В свете этого российские власти не могут жаловаться на вмешательство в свои внутренние дела, когда они систематически открыто нарушают соглашения, принятые ими к исполнению по собственной воле вместе с другими членами международного сообщества.

Одной из самых значимых проблем для таких могущественных наций, как США и Россия, является то, что крайне сложно соответствовать критерию *jus in bello* в борьбе с противником, не имею-

щим собственного государства, и в силу этого не подпадающим под действие большого количества международных актов и соглашений, подобно чеченским вооруженным формированиям и так называемым иракским «повстанцам». Однако это необходимая, пусть и трудная, ответственность, сопутствующая могуществу, даже когда противник в т.н. «асимметричной войне» использует отвратительные способы, пытаясь компенсировать недостаток силы. К сожалению, как свидетельствует трудный опыт, и американские воинские подразделения в Ираке, и российские в Чечне, обычно не обучены разрешению гражданских конфликтов, хотя одной из их целей является завоевание поддержки гражданского населения. Таким образом, применение превосходящей военной силы не только не может быть оправдано с моральной точки зрения, но делает также практически невозможным завоевание победы силой оружия. И за исключением некоторых случаев, как упоминалось выше, применение способов, которые не могут быть оправданными, разрушает возможность реабилитации войны самой по себе и к тому же делает ее успешное завершение фактически невозможным.

Единственный способ избежать эту неразрешимую дилемму – попытаться устранить противоречия, ведущие к этому типу асимметричного насилия на раннем этапе или попытаться положить конец насилию путем переговоров, когда оно уже произошло. К сожалению, в данном случае опыта США и России явно не хватает. Более того, в ситуации конфликта между государством и террористами очень легко свести противостояние к «черно-белым» стереотипам, когда, как заявил Джордж Буш в своей речи после событий 11 сентября, все, кто не поддерживает «войну с террором», должны быть причислены к террористам, т.е. вы либо «с нами», либо «против нас».

Подобным образом Президент Владимир Путин слишком часто причислял каждого, кто имеет противоположный взгляд на проблему Чечни в пределах единой федерации, к лагерю «террористов» или боевиков. Принципиальный

отказ от переговоров с террористами, использование подобной риторики позволяет лидерам избежать ответственности за проведение серьезного переговорного процесса, направленного на прекращение насилия, если таковое имеет место.

Поскольку данный симпозиум посвящен Чечне, позвольте мне перейти к обсуждению того, какие меры могли бы способствовать ненасильственному решению проблемы, послужившей причиной конфликта, и привести свои соображения о том, почему предпринятые действия не смогли послужить предотвращению насилия. Как я полагаю, рамки для разрешения конфликта переговорным путем установлены в обширном своде соглашений эпохи постхолодной войны. Они признают, как Хельсинкские принципы 1975 г., и «территориальную целостность государств», и «право на национальное самоопределение» – два, казалось бы, противоречивых принципа, но это именно те принципы, которые были согласованы в прошлом. Со времени распада Советского Союза и Югославии в начале 1990-х гг. международное сообщество действовало очень осторожно, чтобы не признавать «независимыми» или «суверенными» любые иные образования, кроме советских «союзных республик» и их югославских эквивалентов. Статус Косова представляет собой серьезную проблему для мирового сообщества, но любая попытка предоставить ему полный суверенитет наверняка встретит явное осуждение и не только со стороны России.

Таким образом, вопреки многочисленным утверждениям, высказанным в нескольких докладах данного симпозиума, мне известно очень малое число аналитиков в США и других западных странах, может быть, за исключением нескольких профессиональных «адептов холодной войны», которые открыто выступают за полную независимость Чечни. Критика Запада направлена, скорее, на нарушение Россией принципов *jus in bello*, а не на базовую цель России – сохранить территориальную целостность государства, хотя критикующая сторона часто и не могла четко обозначить

это различие. В то же время, не только Запад, но и многие российские интеллектуалы выражали поддержку права на автономный статус Чечни для реализации принципа «самоопределения» чеченского народа. Конечно, принцип автономизации включает в себя широкий спектр возможных легальных систем – от федерации до полностью автономных регионов. Конкретный тип автономии, предоставляемой любому региону, обязательно должен быть предметом переговоров между заинтересованными сторонами. Однако выбор такого статуса внутри этого широкого спектра не может осуществляться силой оружия. Ни полная независимость, ни полная интеграция в этом случае не станут удовлетворяющим всех долговременным решением.

Конечно, перед тем как начались широкомасштабные военные действия в декабре 1994 г., между центральной властью в Москве и чеченскими лидерами в Грозном была проведена серия переговоров для поиска компромиссного решения, возможно, по сценарию, схожему с достигнутым в начале 1994 г. соглашением между федеральным центром и Татарстаном. Как указывает Валерий Тишков, участник этих встреч, когда российские войска вошли в Грозный в декабре 1994 г., все переговорные возможности еще не были исчерпаны: «С осени 1991 года федеральный режим оставил невыполненными многие вещи, которые он должен был сделать»²³. Как он полагает, «миф» о территориальной целостности России столкнулся с мифом о независимости Чечни и в этом столкновении были упущены возможности, находящиеся между двумя крайними полюсами.

Соглашение, достигнутое в Хасавюрте в августе 1996 г. при участии Группы содействия ОБСЕ в Чечне, привело к прекращению огня, проведению президентских выборов в Чечне в январе 1997 г. под наблюдением Офиса ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека и способствовало дальнейшим переговорам по определению политического статуса Чечни в рамках Хельсинкских соглашений, т.е. с учетом, как территориальной целостности

Российской Федерации, так и права на национальное самоопределение (не равное независимости!) чеченского народа.

На выборах в январе 1997 г. Аслан Масхадов победил Шамиля Басаева, своего главного противника. Не подлежит сомнению, что, несмотря на легитимность выборов, Масхадов был неспособен к эффективному правлению, поэтому в Чечне наступил еще больший разгул анархии и преступности. Более того, проигравший на выборах Басаев и его соратники, некоторые из которых прибывали в Чечню извне, активно работали на разрушение правления Масхадова. Не последней в череде этих попыток был рейд Басаева в Дагестан в 1999 г., который послужил одним из катализаторов возобновления военных действий в августе 1999 г., хотя против них и высказывались некоторые высокопоставленные российские военные.

Россия, таким образом, ввергла регион в новую войну. Хотя Москву, несомненно, оправдывали необходимостью восстановления порядка и законности в пределах Российской Федерации, она разрушила все возможности разрешения конфликта путем переговоров, называя всех своих оппонентов «террористами и бандитами» и отказываясь проводить различие между радикальными последователями Басаева и умеренным правлением Масхадова. Масхадов, далеко не являясь союзником Басаева, провоцировался последним и его радикальными сторонниками, искавшими предлог для возобновления войны. Хотя два бывших противника могли образовать тактический союз после возобновления военных действий, но это само по себе не может служить доказательством их активного сотрудничества, как и не означает автоматически, что единственный легитимно избранный лидер чеченского народа не способен быть ценным партнером на переговорах. Утверждения об их тесной связи звучат поразительным образом похоже на заявления Джорджа Буша о том, что поддержка иракских повстанцев со стороны членов Аль Каиды являет собой доказательство тесной связи между Осамой Бен Ладеном и Саддамом Хусей-

ном, или как доказательство того, что Ирак был вовлечен в планирование и осуществление атак на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября, даже если не существует очевидного доказательства того, что эти связи существовали до вторжения США в Ирак.

Вслед за возобновлением военных действий в Чечне в 1999 г. активизировались усилия США и Европы, в частности во время проведения саммита ОБСЕ в Стамбуле в декабре 1999 г., для привлечения международного сообщества к поиску путей прекращения насилия. Несмотря на то, что министр иностранных дел России С. Иванов согласился обратиться к международной помощи для смягчения конфликта и начать поиск приемлемых для переговоров лиц с чеченской стороны, позднее его мнение было отклонено, поскольку в Кремле было широко распространено убеждение, что не может существовать независимой «третьей стороны», да и не с кем иметь дело со стороны Чечни, в силу того, что все ее лидеры относятся к стану террористов.

С приходом к власти в США администрации Джорджа Буша и особенно после событий 11 сентября 2001 г. данная точка зрения России была принята и Соединенными Штатами. В противовес мнению, выраженному Владимиром Пастуховым в его интересном эссе, после 11 сентября США прекратили любую открытую критику действий российских военных в Чечне и отказались от любых официальных контактов с чеченскими лидерами. Фактически, Буш и Путин практически стали придерживаться одной и той же дихотомической точки зрения на мировые события. Это сделало их союзниками в «войне против террора» и позволило утверждать, что чеченские правители действовали под влиянием Аль Каиды. И более того, тот факт, что Россия и США вели схожую «справедливую войну» против терроризма, оправдывал их в применении практически любых средств для достижения победы над «террористами», что привело к негласной договоренности, по которой не допускалась резкая критика действий двух стран в их похожих войнах против терроризма в Чечне и Ираке.

С того момента, как конфликт в Чечне из сложной проблемы нахождения баланса между федеральными и республиканскими интересами превратился в борьбу абсолютного добра с ужасным злом, поиск подлинного разрешения конфликта значительно усложнился. Все вовлеченные в него стороны оказались в ловушке собственных стереотипов и мифов относительно понятий «мы» и «они», что вело ко все большему насилию и усиливающейся ненависти между Россией и народами Кавказа. Ни один доклад данного симпозиума не предлагает решения этой дилеммы, и я также не претендую на то, что могу предложить что-то лучшее. Но я убежден в том, что прежде чем мы сможем начать диалог для поиска выхода с этого минного поля, мы должны оценить, как мы попали в ловушку этой ужасной дилеммы. Мы должны осознать, как агрессивный национализм, ксенофобия, равно как и естественная человеческая склонность упрощать и сводить к плоским стереотипам то, что мы не понимаем, определили тот путь, в силу которого этот конфликт стал рассматриваться в «черно-белой» терминологии. Дихотомическое мышление политических лидеров государств и тех групп, которые им противостоят, углубило данный конфликт и превратило его из сложной, но возможной для разрешения переговоров и мирным путем проблемы, в конфликт, из которого в настоящий момент не видится «никакого выхода». Мы должны признать, что все конфликтующие стороны совершали явно несправедливые и даже преступные деяния, и что даже жестокое поведение одной стороны не оправдывает более жестокие ответные действия в этой бесконечной спирали.

В мире, который следует заповеди «око за око», все люди становятся слепыми! Именно этот случай мы имеем сейчас в Чечне, где слепцы воюют с другими такими же и не видят никакого решения. Попытки, пусть даже приемлемые, сделанные в некоторых докладах данного симпозиума, возложить ответственность на одну из сторон и оправдать или хотя бы «объяснить» действия другой стороны, не подводят нас

ближе к решению. В сущности, такой подход часто свидетельствует о том, что аналитики так же слепы по отношению к ошибкам той стороны, за которую они выступают, как и сами участники конфликта не объективны по отношению к собственным мифам и проступкам. В

то же время огромное большинство невинных людей в Чечне и вся Российская Федерация страдают от последствий конфликта, подобно тому, как говорится в старой африканской пословице, – трава страдает от битвы слонов.

Стефен Шенфилд

Политическое урегулирование в Северной Ирландии – какая взаимосвязь с Чечней?

Возможно ли политическое разрешение насильственного конфликта между центральным правительством и террористическим сепаратистским движением, которое было бы основано на разделении власти и не затрагивало территориальную целостность конкретной страны?

Сама идея представляется абсурдной некоторым людям. Тем не менее именно это произошло в Северной Ирландии (Ольстер), где события последнего времени подтверждают прочность и дальнейшую консолидацию достигнутых соглашений. Первоначально Добровольческие силы Ольстера, экстремистская парамилитаристская организация в униатистском («протестантском») сообществе, последовала примеру своих противников из республиканского («католического») сообщества, Ирландской республиканской армии и формально отказалась от терроризма²⁴. Далее последовали наиболее ошеломляющие действия. Преподобный Ян Пейсли, лидер Демократической униатской партии, длительное время считавшийся воплощением протестантского фанатизма, начал переговоры с Мартином МакГиннесом (Джерри Адамс), спикером Шин Фейн, политического крыла ИРА, с целью совместного вхождения в правительственный аппарат.

«Что может считаться эквивалентом такого события?» – спрашивает комментатор Джонатан Фриденд. «Представьте, что Джордж Буш называет Тарика Азиза кандидатом в вице-президенты, и вы будете ближе к пониманию. Или, возможно, Ариэль Шарон работает со-

обща с почившим Шейхом Ясином. В мире, где объединение Пейсли и МакГиннеса имеет серьезные шансы, возможно практически все»²⁵. Как и то, что Владимир Путин может предложить Аслану Масхадову пост премьер-министра Российской Федерации?

Когда западные эксперты и дипломаты настаивают на том, чтобы Российское правительство начало переговоры с Масхадовым, похоже, что они думают об одном и том же (особенно если они британцы или ирландцы) – о прецеденте по успешному урегулированию ситуации в Северной Ирландии. Это не обязательно означает, что они выступают за независимость Чечни от России. В конце концов, Северная Ирландия по-прежнему относится к Великобритании²⁶.

Случай с Северной Ирландией показывает, что, как минимум, при некоторых обстоятельствах, сепаратистов можно убедить остановить террористические атаки и обратиться в мирных политиков без удовлетворения их базового требования об отделении. Самый главный вопрос, – при каких обстоятельствах это возможно, т.е. насколько урегулирование в Северной Ирландии можно соотносить с другими сепаратистскими конфликтами.

Я не буду предпринимать попытку провести систематическое сравнение между Северной Ирландией и Чечней, хотя это, несомненно, было бы полезно. Я приведу только несколько примеров, которые кажутся мне уместными.

Между этими двумя случаями существуют очевидные различия, поэтому

кто-то может заключить, что опыт Северной Ирландии не подходит Чечне. Помимо всего прочего, существует большая разница в уровне насилия в обоих случаях. Взрывы в пабах английских городов, организованные ИРА, расстрел в Белфасте британскими солдатами 13 демонстрантов-католиков в «Кровавое воскресенье» – это были ужасные вещи. Но они блекнут в сравнении с жестокостями чеченского конфликта. И, соответственно, горечь, ненависть, жажда реванша должны быть гораздо сильнее в чеченском случае.

Необходимо принять во внимание, кто убедил ИРА остановить терроризм. Было ли это британское правительство? Успешные британские правительства имеют кредит доверия по урегулированию конфликтов, но я не думаю, что в данном случае правительство сыграло решающую роль.

Процесс отмены насилия со стороны Ирландской республиканской армии был болезненным и длительным. Он проходил поэтапно, через серию расколов в партии. Первоначально ИРА разделилась на «Официальную ИРА», которая выступала в поддержку мирного политического процесса, и «Провизионалистов», которые были нацелены на продолжение «вооруженной борьбы». Когда в конце концов Провизионалистская ИРА отказалась от террористических методов, некоторые непримиримые ее участники откололись от партии, образовав такие ответвления, как «Действительная ИРА» и «Ирландская национальная армия освобождения». Несмотря на напыщенные названия, это были маленькие изолированные группировки, которые более не представляли серьезной угрозы миру.

Давление на ИРА, чтобы она отказалась от терроризма, было вызвано конкуренцией на выборах между партией Шин Фейн и Социал-демократической трудовой партией (СДТП), основной партией, добивающейся соблюдения интересов католического сообщества Северной Ирландии мирными демократиче-

скими процедурами. Переговоры с СДТП стали основной целью Лондона при его попытках умиротворения католического сообщества путем заключения договоров о разделении власти. Следует также упомянуть стихийное движение к миру, инициированное женщинами из обоих сообществ, что способствовало, хотя бы временному, расколу в среде фанатиков.

Таким образом, та цена, которую приходилось платить террористам за продолжение насилия, а именно лишение политической поддержки в своем сообществе, стала настолько высока, что они были вынуждены пересмотреть свою стратегию. Игра не стоила свеч²⁷.

Есть ли чеченский аналог СДТП? Есть ли участники «невооруженного сопротивления», которым обычные чеченцы могут доверить представлять их интересы, такая сила, которую Москва рассматривала бы как ответственного партнера в поисках урегулирования конфликта? Очевидно, что сейчас не существует такой внятной и организованной политической силы. Однако, возможно, что существует потенциал для ее создания. Многие чеченцы равно разочарованы как в силах вооруженного сопротивления, так и в федеральном правительстве. Существуют уважаемые чеченские публичные фигуры, которые пытались создать чеченский аналог СДТП – такие люди, как бывший Председатель Верховного Совета СССР Руслан Хасбулатов и политолог Джабраил Гакаев²⁸. И если вообще существует надежда на политическое урегулирование в Чечне, оно может быть достигнуто, в первую очередь, благодаря усилиям подобных людей. Это их, а не террористов, западные дипломаты (официальные и неофициальные) будут расценивать как принципиальных чеченских партнеров по диалогу. Именно их, а не презренных лакеев, подобных Кадырову и его приспешникам, Москва должна рассматривать (с помощью Запада или без него) как главных партнеров в деле установления мира для жителей Чечни.

Валерий Тишков

Размышления после симпозиума

Статья Терри Хопманна содержит много полезных исторических реминисценций и актуальных сравнений по поводу нынешней постконфликтной ситуации в Чечне и настоящей войны в Ираке. Подобная категоризация двух разных ситуаций имеет важное значение, ибо мое глубокое убеждение состоит в том, что «война в Чечне» закончилась три года тому назад, когда прекратились военные действия федеральных войск против вооруженных групп чеченских сепаратистов и иностранных наемников. В Чечне уже несколько лет нет военных действий. Там идет трудный, но все-таки результативный процесс постконфликтной реконструкции. В республике всеобщим референдумом принята новая Конституция, которая написана не московскими, а чеченскими политиками, дважды прошли выборы президентов Чечни (Ахмада Кадырова и Али Алханова). В отличие от выборов Дудаева в ноябре 1991 г., которых фактически и не было, и выборов Масхадова в январе 1997 г., которые проходили под дулами автоматов вооруженных боевиков, эти последние выборы были более демократичными и действительно легитимными. Отказ западных экспертов и политиков от участия в мониторинге последних двух выборов в Чечне означает нежелание признавать окончание войны и установление легитимной власти в этом регионе Российской Федерации.

Сегодня в Чечне имеется реальная власть, и она установлена чеченцами вместо существовавших режимов вооруженных сепаратистов или временных администраций периода активных военных действий. Население никто не запугивал и никто его не заставлял участвовать в выборах. Поддержка Москвою выбранных кандидатов и помощь в организации избирательной кампании была несколько не больше, чем поддержка со стороны США кандидатуры Карзая в Афганистане и будущих руководителей на выборах в Ираке.

Запад желает, чтобы в Чечне был избран и правил политик, которого не поддерживает Москва. Неслучайно, что все, кто признает федеральную власть и сотрудничает с ней, объявляются квислингами или бандитами. Эта позиция давняя и последовательная: я не помню случая, чтобы в подобных ситуациях Запад поддержал выбор Кремля и совместными усилиями способствовал установлению эффективной власти и разрешению конфликта. Как показывает реакция на выборы президента в Украине, сам факт поддержки Москвой кандидата в лице действующего главы правительства этой страны (Виктора Януковича) был представлен как навязывание имперской Россией политической марионетки для Украины.

В последние три года в Чечне восстановлена система местных органов власти. Местные администрации обеспечивают процесс восстановления систем жизнеобеспечения населения, восстановительные работы и минимально возможную безопасность в условиях террористической деятельности со стороны «борцов за свободу» или «повстанцев». Террор против легитимной власти в Чечне и дестабилизация ситуации, чтобы не допустить восстановления нормальной жизни, – это главная цель незаконных вооруженных групп и индивидуальных исполнителей террористических актов. Именно на это даются деньги тем, кто поддерживает «джихад» против России и создание в Чечне исламского государства.

В Чечне восстанавливаются и действуют системы государственной службы, образования, социального и медицинского обеспечения, суды и милиция. В трудных условиях, но работают около 400 школ и несколько высших учебных заведений. Начали работать драматический театр и академический научно-исследовательский институт. Я называю только те сферы, к которым имею прямое отношение, в том числе и через Фонд гуманитарного содействия Чеченской Респуб-

лике, который создан мною около пяти лет тому назад. Отказ зарубежных государств и международных организаций оказать реальную помощь населению Чечни продиктован той же самой позицией – не допустить стабилизации и восстановления разрушенного войной региона. За этим стоят разные мотивы, в том числе нежелание признавать провал проекта второго раунда дезинтеграции России через сецессию Чечни и стремление «сдерживать» Россию в ее позитивных результатах во внутренней и внешней политике. Безусловное влияние на это оказывает политическая и моральная вовлеченность многих политиков и экспертов, позволивших себя увлечь героическим образом современных «Антеев с гранатометами», которые, якобы, соорудили надгробный памятник российской мощи.

Сильное эмоциональное влияние в пользу «чеченской революции» продолжает оказывать масс-медийный образ тотального разрушения и насилия, которые имели место в Чечне. Терри Хопманн справедливо считает, что именно этот аргумент лежит в основе права на внешнее вмешательство и именно это обстоятельство обязывает мировое сообщество осуждать политику федеральной власти в Чечне. Против такого аргумента мне трудно возражать, ибо я сам считаю, что российская армия не имела права на симметричное насильственное поведение в Чечне. Российские военные демонстрировали неоправданную жестокость не только в отношении боевиков, но и гражданского населения. Пренебрежение человеческой жизнью – это наследие тоталитарного времени – проявлялось даже в отношении собственных военнослужащих.

Однако еще меньше оснований имела американская армия для разрушения иракского города Эль-Фаллуджи и убийства тысяч граждан иностранного государства, которому не объявлялась война. Здесь имелся классический пример *unjustice of war*. Чтобы лишить мировое сообщество права на осуждение поведения США в Ираке, оказалось достаточно просто не давать телевизионную картинку разрушений в Ираке и не

сопровождать их гневными комментариями. Чтобы поддерживать аргумент о геноциде чеченского народа, до сих пор западная телевизионная картинка показывает исключительно разрушенный Грозный, а комментаторы и политики продолжают использовать лживые данные о потерях населения в ходе войны. Если Андре Глюксманн считает, что чеченский народ потерял в войне (читай – заплатил за свою независимость!) 200 тыс. чел., включая 40 тыс. детей, то это его личное дело. Но когда эти вымыслы публикуются в ведущих западных газетах, то это позиция издателей, которые делают ложь частью убеждений миллионов читателей и создают основу для политического давления или наказания.

В Чечне основные жертвы имели место в городе Грозном, большинство населения которого составляли не чеченцы, а русские. В двух раундах военных действий в Чечне было убито и ранено около 40 тыс. чел. (такую же оценку жертв дает международный институт CIPRI, который достаточно профессионально отслеживает вооруженные конфликты в мире). Как среди воюющих, так и среди мирных граждан число этнических чеченцев и не чеченцев (главным образом этнических русских) примерно делится поровну, а 40 тыс. убитых детей – это аморальная ложь с целью вызвать ненависть к Москве и симпатии к воюющим чеченцам.

Мой спор о точных цифрах может показаться также аморальным, ибо нет принципиальной разницы между погибшими сотнями или тысячами человек – все это есть трагедия и преступление. Однако есть разница в интерпретации и в политическом результате, ибо не меньшие жертвы среди российских военнослужащих и русских в Чечне – это плата не за независимость Чечни, а плата за сохранение территориальной целостности России и за борьбу против террористических планов исламистского радикализма. При такой интерпретации появляется еще одна «правда-аргумент» о войне в Чечне, о которой не хотят писать и которую не хотят признавать внешние обозреватели конфликта, но которая много значит в самой России!

Есть также незамечаемые западными экспертами данные переписи населения России 2002 г., которая прошла и в самой Чечне. Эти данные более точные, чем оценки публицистов и политиков. Число чеченцев в России после 1989 г. выросло на 151 %, с 899 тыс. до 1361 тыс. чел. В самой Чечне общее население также выросло с 1 млн. чел. до 1,1 млн. чел. за счет естественного прироста среди чеченцев, хотя за годы конфликта территорию Чечни покинули около 200 тыс. не чеченцев и около 200 тыс. чеченцев. Численность чеченцев в Чечне увеличилась с 702 563 чел. в 1989 г. до 1 031 647 чел. в 2002 г. Численность чеченцев в других регионах России увеличилась с 164 498 чел. до 233 203 чел. Если в самой Чечне в ходе переписи были возможны приписки (двойной счет) в целях получения федеральных социальных пособий и компенсаций, то в других регионах России явно имел место недоучет чеченцев, ибо многие из них не имеют регистрации (прописки) по новому месту жительства и избегают контактов с представителями власти. По крайней мере, по оценкам чеченских организаций, в Москве сейчас проживает от 70 до 90 тыс. чеченцев, а перепись зафиксировала только 15 тыс. (в 1989 г. было 2 тыс.). Несмотря на большие жертвы и страдания представителей этой национальности в ходе конфликта, фактических оснований для обвинения в «уничтожении народа» не существует. Покинувшие Чечню чеченцы, предпочли уехать не в Грузию, Азербайджан, Украину или Турцию, куда путь был для них открытым, а в другие регионы своей собственной страны, включая прежде всего столицу. Этот факт говорит о многом.

Терри Хопманн не прав, когда пишет, что только несколько адептов «холодной войны» высказывались за полную независимость Чечни. Фактически все западное (о «восточном» необходим особый разговор) экспертное сообщество и политический истеблишмент желало и активно поддерживало вариант независимости Чечни. Исключение составили только самый высокий официальный уровень, на котором заявления в пользу незави-

симости не позволяли международно-правовые нормы. Сотни неправительственных организаций и обществ, массмедийное сообщество и, конечно, миллионы обычных людей, манипулируемых репортажами из Грозного, хотели того же самого. Первая резолюция Европейского парламента по Чечне в 1994 г. называлась «Вторжение России в Чечню». Подобных документальных доказательств имеется более чем достаточно. У меня имеются богатые личные наблюдения о настроениях и поведении западных коллег в отношении Чечни. В августе 1996 г. на конференции по Чечне, которая была организована Корпорацией Карнеги за международный мир, телемост из Вашингтона с главой миссии ОБСЕ Тимом Гульдманом, находившимся в Хасавюрте, обсуждал «шаги по построению чеченского государства». Россия даже не упоминалась в атмосфере эйфории Хасавюртовского соглашения.

Неужели вся эта ситуация грандиозной моральной и политической легитимации чеченской сепаратизации, включая десятки книг и тысячи журнальных и газетных статей, а также собранные и направленные чеченскому сепаратистскому режиму денежные средства, теперь нами забыты и представляются только как «критика Запада, направленная прежде всего против нарушения Россией принципа *jus in bello*»? Мне кажется, что западные интеллектуалы слишком легко отказываются от своей ответственности за поощрение проекта воялочной вооруженной сепаратизации, и они слишком трудно признают неудачу этого проекта.

Терри Хопманн, как и подавляющее большинство западного сообщества, продолжает считать Масхадова легитимным и умеренным лидером и предлагает формулу переговоров с умеренными. Масхадов не может считаться «умеренным» и «легитимным» лидером после того, как он участвовал в свержении законной власти в Чечено-Ингушской Республике и устанавливал вооруженный режим в 1991 г., а тем более после ноября 1994 г., когда созданные и руководимые им вооруженные отряды подняли оружие против федеральных войск. «Умеренные» политики не возглавляют военные опера-

ции и потом не делятся своим опытом «городских боев», как это делал Масхадов на своих лекциях в США. «Умеренные» лидеры не состоят в одной правящей и воюющей команде с самыми жестокими террористами и не принимают денежную и структурную помощь от международных террористических организаций.

Масхадов – один из самых ненавистных людей в современной Чечне и среди чеченцев России. Полагать, что он может как-то вернуться в легальную политику и даже занимать какое-то место в Чечне, это абсурд и полное незнание реальной ситуации. Установка федеральной власти и властей Чечни, что Масхадов должен быть пойман или уничтожен, не менее обоснована, чем аналогичная установка американских властей по отношению к составленному ими длинному списку членов иракского руководства при режиме Саддама Хусейна.

Наконец, о проблеме самоопределения для Чечни и для чеченцев. Современное право российских граждан чеченской национальности и населения Чечни на самоопределение было реализовано при образовании Российской Федерации, в состав которой входит и Чеченская Республика. Этнические чеченцы представлены в федеральных органах власти, а чеченец Руслан Хасбулатов возглавлял первый российский парламент. Чеченская Республика, как и другие российские республики, имеет высший статус внутреннего самоопределения и, согласно Конституции страны, считается суверенной республикой (государством) со всеми институтами и атрибутами государственности. Другого варианта самоопределения российская

Конституция не предусматривает, и это немаловажное обстоятельство, которое пока никто не в праве игнорировать. Другое дело, что вооруженный переворот 1991 г., сепаратистский режим и военные действия нанесли большой ущерб чеченскому самоопределению. Государственность и порядок в Чечне сейчас восстанавливаются, хотя травмы войны останутся надолго, как в Чечне, так и в остальной России. Федеральные и республиканские власти готовы к международному сотрудничеству и содействию с целью постконфликтной реконструкции в Чечне. Более того, они нуждаются в мировом опыте восстановления пострадавших от войны обществ, а также в дополнительных ресурсах и в морально-политической поддержке. Реакция на события в Беслане и нынешнее восприятие ситуации в Чечне таких надежд не оставляют. Нью-Йорк Таймс ответила на трагедию в Беслане не только запоздалой статьей Фионы Хилл, но и статьей гораздо более влиятельного Ричарда Пайпса (10 сентября 2004 г.) с требованием к России без промедления «отпустить на волю крохотное колониальное владение». С таким же предложением 20 лет тому назад выступали аборигенные гавайские радикалы в США, и в мире таких «клиентов на деколонизацию» имеются сотни в десятках стран мира. Моя покойная коллега Галина Старовойтова во время работы в Браунском университете уже написала проект глобального этнического самоопределения. Но лучше начинать его осуществление с тех стран, которые в последнее десятилетие еще не переживали драму дезинтеграции и нового государствовороеительства.

Стефен Шенфилд

Заключительные комментарии

Является ли политическое урегулирование войны в Чечне (или «послевоенного насилия», если мы согласимся с российским правительством в том, что война в Чечне давно закончилась) «абсурдным»? Оно может оказаться невыполнимым

по ряду причин, но слово «абсурдный» имеет более сильное значение – невозможность, которая самоочевидна как минимум для тех, кто владеет знанием ситуации. Но иногда, как это случилось в Северной Ирландии, то, что все (вклю-

чая меня) всегда трактовали как абсурдное – и как «отражающее полное непонимание реальной ситуации» – *происходило в действительности*. В некотором смысле здесь может присутствовать элемент самореализующегося пророчества. Результат, который возможен, хотя и маловероятен, *делается* невозможным теми людьми, которые рассматривают его как абсурдный и, следовательно, отказываются подумать, как же его достичь. Поэтому, возможно, «абсурдный» – это концепт, от которого нам следовало бы отказаться.

Вследствие этого в настоящий момент я склоняюсь к выводу, что каков бы ни был объективный потенциал политического урегулирования в Чечне, для сторонних сил является контрпродуктивным оказывать любое давление на российское правительство, настаивая на реализации именно этого пути урегулирования. Для Запада было бы лучше объявить проблему целиком внутренним делом России, избегать контактов с сепаратистами на любом уровне и заверить Россию в признании ее территориальной целостности без ограничений. Это могло бы улучшить атмосферу взаимоотношений России и Запада и в то же время не нанесло бы вреда перспективам установления мира в Чечне.

Я не имею в виду, что не должно быть внешней критики политики и поведения российских властей в Чечне; только критика должна быть направлена исключительно на нарушения прав человека (а не обвинения в отказе от поисков политического урегулирования). Кри-

тике должны подвергаться методы, применяемые для подавления терроризма и сепаратизма, такие как объявление виновными всех без разбора и пытки заключенных, но сама цель действий не должна ставиться под вопрос. Если принять эти правила, внешняя критика может вызвать больший резонанс общественного мнения в России и дать некоторые результаты. Таким образом это может косвенным, но значимым путем привести к окончанию насилия в Чечне, поскольку число чеченцев, испытывающих жажду мести, постепенно уменьшается.

Образец реформы пенитенциарной системы показывает, что критика Западом российской политики в области прав человека может усилить позиции сторонников реформ внутри страны и принести хорошие результаты²⁹.

И, в заключение, я хотел бы еще раз выразить несогласие с распространенной практикой разделения чеченских политиков на две категории: тех, которые сотрудничают с федеральными властями и поддерживаются ими, и тех, которые наделены на независимость от России. При этом игнорируются такие фигуры, как Хасбулатов и Гакаев, которые жестко критикуют политику и поведение российского правительства в Чечне, но при этом считают, что Чечня является частью Российской Федерации и должна оставаться ею. Из прочитанного я вынес впечатление, что такую точку зрения разделяет, в действительности, большая часть чеченцев России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Я благодарен Джефу Глейснеру, в прошлом сотруднику Лидского университета (Великобритания) за то, что он прислал мне текст Пастухова, заронив во мне тем самым мысль о проведении данного симпозиума.

² Тишков, Хопман и Шенфилд знают друг друга много лет, участвуя в совместных исследованиях по проблеме предотвращения конфликтов.

³ Аргумент о том, что Масхадов, Закраев и другие «отцивилизованные» лидеры сепаратистов могут не иметь отношения к теракту именно в данном случае из-за его беспрецедентной жестокости, не работает. Совершенно неважно, кто планировал

или осуществлял акцию. Кто не был «против» и не проявил деятельное участие в разрешении конфликта, тот был «за». Масхадов, безусловно, имел возможность вмешаться и повлиять на ситуацию. Не по просьбе правительства России, не в обмен на какие-то условия, а по личной инициативе, чтобы отмениться. Он этого не сделал. Значит, он был с боевиками, что бы он ни заявлял западной прессе.

⁴ Особняком стоит проблема Ближнего Востока, где речь идет не национальных меньшинств, а о послевоенном урегулировании.

- ⁵ Сейчас не время обсуждать вопрос, насколько те выборы были «демократичнее» выборов Кадырова или его преемника, которые Запад не признает. На тот момент Россия избрание Масхадова признала и юридически это закрепляет вопрос.
- ⁶ Достаточно прочесть в любом крупном книжном магазине Европы и Америки названия вышедших за последние десять лет социологических бестселлеров от Фукуямы до Валерштайна, чтобы убедиться в правоте этого вывода.
- ⁷ Московские новости. – 24–30 сентября 2004. – № 36. – С. 17.
- ⁸ Известия. – 7 сентября 2004.
- ⁹ Заявление было опубликовано полностью, без правки и изменений, на веб-сайте «Daymohk» (сайт поддерживает идею независимости Чечни) 17 сентября 2004 г. См.: <http://www.daymohk.info/cgi-bin/orsi3/index.cgi?id=8428;id=17200409;section=1>
- ¹⁰ Басаев не всегда использует такую рациональную аргументацию, какую он демонстрирует в своем послании. Чтобы сплотить собственные войска, он даже преувеличивает; при этом его более эмоциональные и апокалиптические послания страдают нарочитым недостатком рациональности, как, например, электронное письмо на английском языке (предположительно от него), полученное Институтом изучения войны и мира 27 августа 2004 г.: «Подлые крестоносцы Запада, погрязшие в разврате, и вы, грязные евреи, я приказал моим мусульманским братьям и сестрам, чеченцам, оставаться в ваших мерзких странах чтобы уничтожить вас без жалости». См.: *Tom de Waal. Basayev and Maskhadov Under Pressure // Caucasus Reporting Service. – 8 September 2004. – № 252.*
- ¹¹ Басаев был показан на видео записи, опубликованной на веб-сайте сепаратистов. Запись была сделана во время атаки на оружейный склад МВД Ингушетии, где он утверждает, что в акции принимали участие более 570 молдакхедов; в результате акции они получили значительное количество амуниции и оружия, многие единицы которого были найдены у убитых боевиков после захвата заложников в Беслане. См.: http://www.polit.ru/news/2004/07/26/ingz_print.html
- ¹² «Люди, которые вышли из школы, сказали, что в результате взрыва образовалась дыра в стене, через которую они спаслись. Не было очевидно, взорвались ли это мины, установленные захватчиками, или взрыв был осуществлен военными. “Я прятался в доме около школы, и, по моим впечатлениям, штурм не начался неожиданно, а скорее был спланирован военными”, – заявил Эльбрус – один из местных жителей, который присоединился к отрядам самообороны, которые были сформированы снаружи школы». Цит. по материалам *Валерия Джуцева и Алана Духовалиева. Beslan Siege Unravels, Slowly and Bloodily // Caucasus Reporting Service. – 3 September 2004. – № 250.*
- ¹³ О целях и мишенях терроризма см.: *Schmid A. Goals and Objectives of International Terrorism // Current Perspectives on International Terrorism / Ed. by Robert O. Slater and Michael Stohl. – Basingstoke, 1988. – P. 47–87.*
- ¹⁴ *Laqueur W. The Age of Terrorism. – Boston, 1987. – P. 121.*
- ¹⁵ В своем послании Басаев ясно дает понять, что акции террористов-смертников в самолетах и московском метро перед запланированной победой Алу Алханова были «нашим голосом, поданным заранее» на президентских выборах в Чечне.
- ¹⁶ Во всем тексте своего послания Басаев называет Россию «Русня», термином намеренно уничижительным и призванным, хотя бы на фонетическом уровне, установить эквивалент между Чечней и Россией. [Комментарий SS: Это может нести дополнительную смысловую нагрузку, что Россия (Russia) – это земля этнических русских (russkie), а не гражданское восточное государство (Rossiya), как оно о себе заявляет.]
- ¹⁷ Первоначально опубликовано в книге: *Schmid A.P. Political Terrorism. – Amsterdam, 1988. – P. 58–59*, повторяется в его книге: *Frameworks for Conceptualising Terrorism // Terrorism and Political Violence. – 2004. – Vol. 16. – № 2 (Summer). – P. 201.*
- ¹⁸ *Pape R. The Strategic Logic of Suicide Terrorism // American Political Science Review. – August 2003. – Vol. 97. – № 3. – P. 355.*
- ¹⁹ *Abrahams M. Are Terrorists Really Rational? The Palestinian Example // Orbis. – Summer 2004. – P. 549.*
- ²⁰ *Hedges C. On War // The New York Review of Books. – 16 December 2004. – Vol. 51. – № 20. – P. 14.*
- ²¹ Хотя данное различие имеет длинную историю, наиболее современную интерпретацию можно найти в работе: *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. – New York, 2000.*
- ²² То обстоятельство, что Басаев не намеревался убивать невинных детей, как предполагает Джон Рассел, не меняет того факта, что захват в заложники сотен школьников с высокой вероятностью гибели многих из них. По моему мнению, само по себе помещение детей в такую опасную ситуацию заслуживает осуждения с моральной точки зрения, независимо от намерений.
- ²³ *Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict In and After the Soviet Union: The Mind Aflame. – London, 1997. – P. 226.*
- ²⁴ Не все протестанты являются юнионистами, т.е. сторонниками союза Северной Ирландии и Великобритании; и не все католики являются республиканцами, т.е. сторонниками независимости объединенной Ирландии. Тем не менее, политический рубеж между юнионистами и республиканцами в значительной степени совпадает с социальной и конфессиональной дифференциацией между протестантами и католиками.
- ²⁵ См.: *The Guardian Weekly. – 10–16 December 2004. – P. 6.* Тарик Азиз был министром иностранных дел при Саддаме Хусейне. Шейх Ясин был лидером Палестинского исламистского движения Хамас.
- ²⁶ Несмотря на то, что с юридической точки зрения правление Великобритании в Северной Ирландии осталось без изменений, Лондон проводит консультации с Дублином по вопросам управления провинцией. Некоторые обозреватели интерпретируют данную ситуацию как де-факто condominium Великобритании и Республики Эйре (Ирландская Республика).
- ²⁷ Это был критический фактор и в палестинском случае. В то время, как казалось возможным достижение приемлемого соглашения, политическая поддержка терроризма среди палестинцев упала до низкого уровня, вынудив террористические организации пересмотреть их стратегию.
- ²⁸ Подробности о плане мирного урегулирования Гакаса см.: *RAS. – № 7. – Item 10.*
- ²⁹ См.: *RAS. – № 27. – Разд. 8.*

